

O'ZBEKISTON RESPUBLIKASI FANLAR AKADEMIYASI  
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

O'ZBEKISTONDA  
IJTIMOIY  
FANLAR

2002

---

2

ОБЩЕСТВЕННЫЕ  
НАУКИ  
В УЗБЕКИСТАНЕ

*Издается с мая 1957 г. Выходит по 6 номеров в год*

ТАШКЕНТ  
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

## К 2500-летию Термеза

Э. В. РТВЕЛАДЗЕ

### ДРЕВНИЙ ТЕРМЕЗ В СИСТЕМЕ АМУДАРЬИНСКИХ ПЕРЕПРАВ

Очевидно, уже с эпохи неолита на великой среднеазиатской реке — Амударье стала складываться система переправ, обусловленная, в первую очередь, экономической, географической и этнической целесообразностью.

О начале освоения переправ и месте их нахождения свидетельствуют находки этой эпохи, обнаруженные как на правом берегу Амударьи, в районе Айртама, Старого Термеза и Кампыртепа, так и на левом ее берегу<sup>1</sup>.

Места, наиболее удобные для переправ, намеченные еще в эпоху неолита, стали ориентиром для древнеземледельческих племен эпохи бронзы при их миграции в Северную Бактрию, куда они шли двумя путями.

Один путь вел из Маргианы на Восток через Каракумы, которые в ту пору вовсе не были пустыней, до переправы у Керки. После переправы этот путь следовал по правобережью Амударьи через долину Кугитангдарьи и далее выходил в долины рек в пределах нынешней Сурхандарьи (тогда впадавших в Амударью), где основаны древнеземледельческие поселения, в том числе Сапаллитепа.

О том, что этот путь функционировал в эпоху поздней бронзы — раннего железа, свидетельствует поселение, обнаруженное мною в 1989 г. при рекогносцировке в долине Кугитангдарьи.

Оно находится на левом берегу этой реки, к северу от дороги Карлюк—Гаурдак и в 2 км к северо-западу от Мунчак-депе, обследованного А. М. Мандельштамом и В. Н. Пилипко, которые, однако, не заметили найденного нами тепа. От него остался небольшой холм (30×30 м) высотой до 2,5 м, стоявший на метровой высоты платформе (60×50 м). Некогда это было сравнительно большое поселение, ибо керамика на распаханном вокруг тепа поле встречается на расстоянии до 200 м; фиксируются там и остатки былой застройки.

Собранная здесь керамика в основном лепная, иногда с росписью красной краской, типа Яз I, однако встречаются и тонкостенные светлоангобированные сосуды типа керамики Намазга VI.

Второй путь в правобережье Амударьи шел из Дашлинского оазиса, где первоначально закреплялись переселенцы эпохи поздней бронзы из древнеземледельческих оазисов Маргианы и предгорий Копетдага, через переправы Чушка-Гузар и Шуроб. О том, что использовались именно эти переправы, свидетельствует географическое расположение самого раннего древнеземледельческого поселения на право-

<sup>1</sup> Окладников А. П. Следы каменного века в районе Термеза//Труды ТАКЭ. Т. II. Ташкент, 1945. С. 10—23; Виноградов А. В. Исследования памятников каменного века в Северном Афганистане//Древняя Бактрия. М., 1979. С. 7—63.

<sup>2</sup> Пилипко В. Н. Поселения Северо-Западной Бактрии. Ашхабад, 1985. С. 179—181.

бережье Амударьи — Сапаллитена, находящегося всего в 20 км прямо к северу от переправы Чушка-Гузар и на таком же расстоянии, но к северо-западу, от переправы Шуроб.

Очевидно, что именно эти переправы были впервые выбраны в эпоху поздней бронзы для массовых переселений. Но организация общества того времени еще не была столь развитой, чтобы взять эти переправы под свой контроль, возвести у них крепости и взимать таможенные сборы.

Это стало возможным лишь после вхождения Бактрии в состав сверхорганизованного во всех деталях управления Ахеменидского царства. Известно, что его правители уделяли большое внимание дорогам и контролю над ними не только ради безопасности, но главным образом с целью взимания разных налогов.

В узловых местах дорог, на границах между областями, в горных проходах и у речных переправ ахеменидская администрация возводила так наз. «сторожевые посты», именуемые греческими авторами *φίλακτρία* (Геродот, V, 52)<sup>3</sup>.

Такого рода «сторожевые посты» были возведены у двух амударьинских переправ — Керкинской, где при раскопках крепости В. Н. Пилипко обнаружил слой V—IV вв. до н. э., и Шуробской, у которой выявлена мощная крепость Шортепа V—IV вв. до н. э.<sup>4</sup>

При других переправах: Келифской, Каракамарской, Чушка-Гузар, Шуробской, Термезской, Хайратон, Хатын-Рабат, Айвадж, у Тахти-Сангина, Кокумской, расположенных в верховьях и среднем течении Амударьи, — ни культурных слоев того времени, ни подобных Шортепа крепостей пока не обнаружено.

Наличие же их у Керки и Шуроба — Кампыртепа объясняется тем, что именно здесь проходили две главные в ту пору дороги из Маргианы и Бактрии в Согдиану.

Один путь из Маргианы, через переправу у Керки, вел в Ксениппу и далее, через Джамский перевал, в Мараканду.

Другая дорога — из столичного города Бактры через переправу у Шортепа — шла по долине Шерабаддарьи к Железным воротам и далее на север, в Наутаку и Мараканду.

Эти переправы тогда уже организованно обслуживались, по-видимому, определенной корпорацией судовладельцев. Так, по свидетельству Арриана, при своем бегстве от Александра Македонского Бесс приказал сжечь все суда (названные греческим термином *πλοῖα*), находившиеся при ней (Арриан, III, 28). Значит, здесь была постоянно действующая переправа, при которой непременно складывалось поселение, где должны были проживать лодочники, как это было, к примеру, в средневековом Термезе, где лодочники — кештабананы занимали определенное место к западу от цитадели<sup>5</sup>.

Аналогичные сведения приведены Хафиз-и Абру в отношении так наз. греческой переправы — «Бурдагуй-Пардагви», отождествляемой нами с Кампыртепа. «Бурдагуй» — место на берегу Джейхуна, — пишет он. — В древние времена крупные судовладельцы, ответственные за переправу через Джейхун, находились в этом «Бурдагуйе»<sup>7</sup>.

<sup>3</sup> Пьянков И. В. Бактрия в античной традиции. Душанбе, 1982. С. 48.

<sup>4</sup> Подробно о Шортепе см.: Ртвеладзе Э. В. Древнебактрийская крепость Шортепа на Оксе//Археологические исследования в Узбекистане. 2000 год. Самарканд, 2001. С. 122—130.

<sup>5</sup> Массон М. Е. Городища Старого Термеза и их изучение//Труды ТАКЭ. Т. II. Ташкент, 1945. С. 98.

<sup>6</sup> Ртвеладзе Э. В. Согдийцы-мореплаватели//Общественное мнение. Ташкент, 1999. № 3—4 (7—8). С. 105.

<sup>7</sup> См.: Бартольд В. В. Хафиз-и Абру и его сочинения//Соч. Т. VIII. М., 1973. С. 93.

Как мы уже писали, подобного рода поселение можно сопоставить на этом участке Амударьи только с Шортепом.

Система переправ и крепостей, сложившихся при них, была унаследована и расширена в эллинистический период, в III—II вв. до н. э.

Как показывают археологические данные, в это время существовали крепости уже при нескольких переправах через Амударью — Керкинской, Келифской, Шуробской = «Пардагви», Термезской и, вероятно, при переправах Айвадж и близ Тахти-Сангина, где был возведен величественный храм в честь бактрийского божества Оахшо — покровителя Амударьи.

Особенно возрастает в это время значение крепости и поселения на месте городища Старого Термеза. Возникшая первоначально как крепость, охранявшая важную переправу через Амударью (по-видимому, в селевкидский или ранний греко-бактрийский период), Тармита — Термез вскоре превращается в большое двухчастное поселение, если уже не город<sup>8</sup>.

Еще более повысилась его роль, очевидно, со времени правления греко-бактрийского царя Деметрия. Этому способствовало то, что Деметрий завоевал Северо-Западную Индию (Гандхару) и владел также, по-видимому, Согдианой, а наиболее короткий путь в эту и другие области Трансоксианы шел через Термез.

Тем самым две крайние области царства Деметрия были связаны единой дорогой, важнейшими промежуточными пунктами которой являлись Термез и располагавшаяся здесь переправа<sup>9</sup>.

Географическое преимущество местоположения Термеза над другими пунктами, возникшими у иных переправ, способствовало тому, что именно через него прошли три важнейшие сухопутные дороги и один речной путь.

Первая, о которой мы упоминали выше, вела из Индии на северо-запад, в Согдиану и другие области Трансоксианы. Второй путь — также из Индии через Термез — вел по долине Окса на запад, в Маргиану и Парфию, а затем по Каспию и Закавказью в римские владения. Этот путь описан римским историком Плинием со ссылкой на Варрона (116—27 гг. до н. э.).

Третий путь из Восточного Средиземноморья через Месопотамию и Иран проходил в Бактры, а затем через переправу у Термеза по долине Сурхандарьи шел на северо-восток, через страну комедов и Каменную башню и выводил в «страну серов» (Восточный Туркестан). Он описан в дорожнике Мая, сохранившемся в переложении Птолемея<sup>10</sup>.

Роль переправ через Амударью еще более возрастает в юечжийское и особенно кушанское время, когда фактически у каждой из них функционируют различного типа поселения, причем некоторые из них впервые возникают именно тогда.

Эта система расположения поселений была унаследована в средневековые и продолжала существовать вплоть до второй половины XIX — начала XX в. Характерно, что у всех описанных штабс-капитаном А. Быковым в 1878 г. переправ имеются поселения кушанского периода и, кстати сказать, в то время они более процветали, нежели во второй половине XIX в.

Рост Термеза и превращение его в огромную агломерацию, территориальные и структурные изменения Кампыртепа и других поселений,

<sup>8</sup> Пидяев Ш. Р. Термез греко-бактрийского времени в свете новых археологических раскопок//ОНУ. 1998. № 10—11. С. 48—49.

<sup>9</sup> Ртвеладзе Э. В. Термез и его значение в истории Средней Азии//Сан'ат. Ташкент, 2001. № 2. С. 4.

<sup>10</sup> Пьянков И. В. Шелковый путь от Гиерополя в Серику//Памироведение. Вып. II. Душанбе, 1985. С. 133—135.

расположенных у переправ, были связаны с политической стабилизацией в Кушанском царстве, с ростом населения, значительным развитием внутренней и международной торговли, в связи с чем некоторые поселения теряют свою первоначальную военно-охранительную функцию. Особенно четко прослежен этот процесс на примере цитадели Кампыртепа, которая в кушанское время превращается в огромное хранилище разного рода жидкостей и продовольствия (о чем свидетельствует значительное число хумхана, вскрытых на его площади) и торговую факторию, главной функцией которой становится услуга проходивших здесь торговых караванов<sup>11</sup>.

Эта функция поселения у речных переправ хорошо освещена Хафиз-и Абру при описании того же Бурдагуя-Пардагви: «Переправа султанов,— пишет он,— которые переезжали через реку, была здесь. Древние падишахи покровительствовали жителям этого места за то, что те стерегли переправу через реку, и освобождали их от налогов. По этой причине население было многочисленно, и хозяева богаты. Они хорошо служили каждому путешественнику, который проезжал там»<sup>12</sup>.

На городище Кампыртепа нами сейчас выделена особая часть, обозначенная как «пристань», куда причаливали суда после переправы и где проживали ремесленники и другие социальные слои населения. Об интенсивности обживания этого участка свидетельствует мощность культурных слоев — до 6 м. Значит, эта часть была не просто пристанью, а торгово-ремесленным предместьем, где велась торговля и изготавливались различные изделия.

О высокой степени развития здесь денежной торговли свидетельствует множество кушанских монет, найденных в различных блоках-кварталах цитадели и «верхнего» города (более 500 экз.), причем количество их находок в одном помещении порой исчисляется несколькими десятками.

Вероятнее всего, эти деньги были получены жителями Кампыртепа не в результате торговли друг с другом, а как плата за оказание всяких услуг переправлявшимся здесь караванам, следовавшим на юг, в Бактры.

Обслуга была важнейшей функцией населенных пунктов, возникших при речных переправах, но не единственной. Другой их функцией, и тоже очень важной, было взимание таможенных сборов и платы за переправу.

Посетивший в 1404 г. переправу у Термеза Клавихо писал, что «по реке ходят лодки и перевозят людей с одного берега на другой... К этим лодкам царь (т. е. Амир Темур.— Э. Р.) приставил большую стражу и она собирает значительную пошлину с тех, кто пользуется ими»<sup>13</sup>.

Вероятно, подобное взимание пошлин практиковалось и в более ранние времена.

В данной статье нами охарактеризованы лишь отдельные аспекты важных исторических вопросов, связанных с генезисом и эволюцией функционирования речных переправ и населенных пунктов при них в области верхнего течения Амударьи.

Тем не менее очевидно, что вся эта система играла важнейшую роль в жизни населения данной области. Она давала устойчивый доход государству, контролировавшему переправы, обслуживала международную и внутреннюю торговлю, обеспечивала жизнь значительного слоя населения, связанного с речным извозом, строительством судов, обслу-

<sup>11</sup> Ртвеладзе Э. В. Кампыртепа: Структура. Периодизация//Материалы ТАЭ. Вып. I. Ташкент, 2000. С. 6—18.

<sup>12</sup> См.: Бартольд В. В. Указ. статья. С. 93.

<sup>13</sup> Руи Гонзалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403—1406). М., 1990. С. 100.

гой проходивших караванов, способствовала сложению особой категории населения — судовладельцев и лодочников (кимечи); занятых перевозом грузов и людей, — объединенных, как об этом свидетельствуют поздние источники, в своеобразные артели и корпорации<sup>14</sup>.

Исходя из всего сказанного, можно определить следующие этапы освоения речных переправ через Амударью:

1. Эпоха неолита — освоение переправ.
2. Эпоха поздней бронзы — использование переправ для массовой миграции населения.
3. V—IV вв. до н. э. — создание первых крепостей для охраны переправ.
4. III—II вв. до н. э. — увеличение количества крепостей у разных переправ.
5. I в. до н. э. — III в. н. э. — невиданный прежде количественный рост поселений и крепостей фактически у всех переправ в верхнем течении Амударьи. Интенсивное использование речных переправ для международной и внутренней торговли. Изменение функций крепостей, структурное и качественное их превращение в поселения и города различного типа. Возрастание роли переправы у Термеза и превращение его в узловой центр международной торговли обширного региона.

---

<sup>14</sup> Ртвеладзе Э. В. Согдийцы-мореплаватели. С. 105—107.

### Ш. А. РАХМАНОВ

## СРЕДНЕВЕКОВАЯ ФОРТИФИКАЦИЯ ТЕРМЕЗА

Исследование древней фортификации — одна из узловых проблем в изучении истории городов Средней Азии, ибо наличие укреплений всегда считалось важнейшим признаком городского организма. В этом отношении весьма важные сведения дают остатки оборонительных сооружений Старого Термеза.

Городище некогда опоясывали четыре кольца оборонительных стен: соответственно цитадель-кала, город-шахристан, рабад и пригородная территория, также обнесенная стеной, что относилось, видимо, к торговой части города<sup>1</sup>. В послевоенные годы значительная часть городища была освоена под посевы и при этом четвертое кольцо его оборонительных стен было полностью разрушено.

Цитадель Старого Термеза своей внушительной высотой и размерами издавна привлекала внимание исследователей и путешественников. Кала не случайно фигурирует во всех письменных источниках о Термезе. В плане она имеет форму неправильного прямоугольника, вытянутого с запада на восток, и занимает 10 га площади. С трех сторон она была окружена оборонительными стенами со рвом, а с южной стороны ограждена бурными водами Амударьи.

Выгоды прибрежного положения города удалось использовать в полной мере благодаря наличию удобных в стратегическом отношении возвышенных платформ, представляющих собой образования третичного песчаника<sup>2</sup>. В наше время ее стены сохранились в виде вала с небольшими выступами наружу, представляющими остатки бывших ба-

---

<sup>1</sup> Массон М. Е. Городища Старого Термеза и их изучение // Термезская археологическая комплексная экспедиция. 1936. Труды УзФАИ. Сер. I. Вып. 2. Ташкент, 1940. С. 9.

<sup>2</sup> Там же. С. 88.

шен. Они хорошо читаются в рельефе северной части цитадели и вместе с угловыми составляют одиннадцать башен<sup>3</sup>.

Цитадель-кала имела трое ворот: на западном и юго-восточном углах, а также в середине северо-западной стены. Последние связаны с городом посредством перекидного моста. В свое время в цитадель попадали также с пристани, т. е. с реки, о чем имеются данные в письменных источниках.

Южная сторона калы, примыкающая к берегу реки, по своему верхнему краю не имеет никаких следов стен и характеризуется только крутым, иногда почти отвесным обрывом. Под обрывом, омываемым водами реки, находится так называемая «набережная», которая состоит из неширокой кирпичной стенки (в том состоянии, как она сохранилась теперь), примерно одинаковой высоты на всем своем протяжении, с прямоугольными и полукруглыми выступами в сторону реки.

По сведениям Б. Н. Кастальского, «набережная» представляла собой ряд выступов округленного очертания, расположенных на расстоянии около 12—15 м друг от друга и выдававшихся в воду на 7—8 м. Выступов этих было около 30, сейчас из них сохранилось лишь 6—7<sup>4</sup>. Как утверждает С. Н. Гражданкина, они имели назначение контрфорсов для удержания стен. Ныне «некоторые контрфорсы нависают над рекой, удерживаемые стеной, которую они некогда подпирали»<sup>5</sup>. Вся набережная возведена из жженого квадратного кирпича на растворе кыра<sup>6</sup>.

Часть сооружений на восточном и западном концах служили пристанями для речных судов, упомянутыми в письменных источниках. В целом же набережная калы предохраняла южный склон от размыва. Как, на наш взгляд, довольно убедительно утверждает В. А. Шишкин, третичный песчаник намного быстрее подвергается размыву, чем сооружения набережной<sup>7</sup>.

В настоящее время выделяются четыре периода строительства оборонительной стены цитадели. Первый период средневековой фортификации соответствует тому времени, когда город входил в состав Саманидского государства, т. е. к началу X в. Второй период соответствует второй половине XI в., когда Сельджукид Алп-Арслан организовал ремонт стен и расчистку рва. Следующий период предшествует непосредственно времени перед завоеванием города и всей Средней Азии монголами. Последний ремонтный период, отмеченный на стенах цитадели, соответствует времени правления Темурида Халил Султана, который попытался восстановить укрепления этого форпоста на Амударье.

Шахристан занимает территорию, расположенную к северу, северо-востоку и востоку от цитадели, охватывая всю ее восточную половину. Он со всех сторон окружен глинобитными стенами (кроме частей, примыкавших к цитадели). Стены были двойные, т. е. состояли из двух параллельных стен с промежутком между ними шириной 7—8 м, а то и больше<sup>8</sup>. Внутренняя массивная сторона сохранилась лучше, внешняя же превратилась почти на всем протяжении в довольно пологий вал.

<sup>3</sup> Шишкин В. А. К исторической топографии Старого Термеза//Труды УзФАН. Сер. I. История, археология. Вып. 2. Термезская археологическая комплексная экспедиция. 1936. Ташкент, 1940. С. 128.

<sup>4</sup> Кастальский Б. Н. Историко-географический обзор Сурханской и Шерабадской долины//Вестник ирригации. Ташкент, 1930. № 2. С. 86.

<sup>5</sup> Гражданкина Н. С. Набережная калы в Старом Термезе//ИМКУ. Вып. 6. Ташкент, 1965. С. 172.

<sup>6</sup> Там же. С. 174.

<sup>7</sup> Шишкин В. А. Указ. статья. С. 132.

<sup>8</sup> Там же. С. 133.

К нашему времени лучше сохранились стены северо-западной стороны шахристана. Они направлены с северо-востока на юго-запад с отклонением на юг на 30°. Общая протяженность северо-западной стороны шахристана, включая угловые башни, составляет 360 м. Стены возведены из пахсовых блоков. Внешняя стена имела толщину 3,3 м. Известно, что внешняя стена была возведена в раннекушанское время и имела зубчатое завершение<sup>9</sup>. Внутренняя стена имела толщину по основанию 5,6 м, по сохранившейся высоте — 4 м. Она монолитная, со стрелковой площадкой и бруствером наверху. Ширина стрелковой площадки — 2,2 м, толщина бруствера — 1,5 м. По периметру стен через каждые 43—46 м следовали овальные в плане башни, выступающие от линии стен на 3,6—4,6 м. Угловые башни имели форму полукруга диаметром более 7 м. Башнями фланкированы и внешние стены, расположенные в середине куртины основной стены.

Сейчас по рельефу читается наличие трех ворот цитадели. Одни из них расположены в северной части восточной стены. Они с обеих сторон фланкированы полуовальными в плане башнями. Ширина ворот — 6 м. Другие ворота расположены в северной части юго-западной стены и связаны прямой улицей. Остатки еще одних ворот читаются в южной части восточной стены.

Возведение крепостных стен из пахсовых блоков с бруствером и стрелковой площадкой, с выступающими за линию стен монолитными башнями характерно для эпохи развитого средневековья (Самарканд, Ахсикент, Мерв, города Хорезма).

Сопоставление результатов раскопок с анализом данных письменных источников дает возможность проследить этапы развития фортификации шахристана. Как уже сказано, его оборонительная система имеет следующие характерные черты: в его юго-западной стороне отмечена двойная стена, причем основная, внутренняя, фланкирована овальными башнями; в северной части шахристана стены фланкированы полуовальными монолитными башнями; в южной части северо-восточной стены внешнюю стену заменяет ров.

Ал-Истахри указывает на три части города: калу, мадину и рабад, выделяя особую стену последнего. У Макдиса упомянуты городские укрепления, а также трое ворот шахристана. В сообщениях ат-Табари мы находим упоминание о стене рабада и ее частичном разрушении, а также некоторые данные об обороне города Мусой ибн Хазимом в начале VIII в. На основании анализа сообщений ат-Табари авторы перевода его трудов, на наш взгляд, убедительно предполагают, что кала-цитадель называлась тогда мадиной, а нынешняя территория шахристана была рабадом. Впоследствии рабад превращается в шахристан, а рабад занимает территорию к востоку, выше по течению канала, орошавшего город водой<sup>10</sup>. Не случайно Истахри называет эту стену особой. В X в., когда восстанавливаются стены шахристана, эта территория сохраняет свое прежнее название. Еще М. Е. Массон отметил условное название «рабада», применяемое к той или иной части города<sup>11</sup>.

На основе изложенных фактов можно выделить две части укреплений шахристана. Впервые его стены возводятся задолго до арабского нашествия<sup>12</sup>. Первоначально средневековый шахристан имел только внешнюю стену. Она возведена в раннекушанское время. В начале X в.,

<sup>9</sup> Раҳмонов Ш. А. Кўҳна Термиз шаҳристони мудофаа деворлари//ИМКУ. Вып. 28. Самарканд, 1997. Рис.

<sup>10</sup> Большаков О. Г. Комментарии//Ат-Табари. История. Ташкент, 1987. С. 374.

<sup>11</sup> Массон М. Е. Указ. статья. С. 92.

<sup>12</sup> Там же. С. 94.

в период бурного развития города, была возведена основная стена шахристана (рабада) и произведен ремонт внешней. В третьем периоде после ремонтных работ башни основной стены на важнейших узлах обороны облекаются в кладку из жженого квадратного кирпича (в частности, северо-западная угловая башня). С внешней стороны основной стены были восстановлены частично разрушенные ее участки. Третий период приходится на вторую половину XI в., что согласуется с данными письменных источников. В четвертом периоде после ремонта стрелковая площадка с бруствером была заложена. Материал, полученный из заполнения, датируется концом XII — началом XIII в., подтверждая, таким образом, время, предложенное В. А. Шишкиным<sup>13</sup>.

**Рабад** городища Старого Термеза занимает обширную территорию к востоку и северо-востоку от цитадели и шахристана. Его оборонительные сооружения имеют неправильную планировку, которая вызвана умелым использованием естественного рельефа местности. Так, в северо-западной части рабада при возведении оборонительных стен была выбрана местность на расстоянии 300—400 м к югу от песков массива Каттакум. Поэтому противник, нападающий со стороны Каттакума, как бы оказывался на ровной площади, удобной для обозрения и атаки со стороны обороняющегося населения города. С восточной части рабада неприятель также подвергался открытому удару со стороны защитников города.

На оборонительной стене рабада установлено три периода ее функционирования. В первом периоде она представлена в виде паховых блоков на платформе с выступающими за линию стен полуовальными башнями, отстоявшими на расстоянии 38—45 м друг от друга. Наверху стен и башен располагалась стрелковая площадка с бруствером; в последнем через каждые 3 м устроены прямоугольные бойницы. Во втором периоде проводятся значительные по масштабам ремонтно-строительные работы, в результате которых башни, расположенные на наиболее важных узлах обороны, обкладываются кладкой из жженого квадратного кирпича. В третьем строительном периоде также прослеживаются большие ремонтно-строительные работы, результатом которых явилась закладка стрелковой площадки с бруствером. Стены становятся выше, обороноспособность их увеличивается. В конце третьего периода оборонительные стены приходят в упадок и в последующем не восстанавливаются, превращаясь в оплывы.

В оборонительных стенах рабада отмечено наличие нескольких ворот. Одни из них, наиболее сохранившиеся, находились в восточной стене. Они имели предвратное сооружение, выдвинутое вперед и фланкированное башнями. Ширина ворот сейчас превышает 10 м.

Первоначальное возведение оборонительной стены рабада датируется медной монетой, найденной в слое под платформой стены. Монета саманидская, плохой сохранности, датируется первой половиной X в.<sup>14</sup> По периметру стены фланкированы монолитными башнями полуовальной формы. Наверху стен и башен находились стрелковые площадки с бруствером, в последнем устроены бойницы. Во втором периоде, в конце XI в., отдельные башни, расположенные на наиболее важных узлах обороны, укрепляются кладкой из жженого квадратного кирпича. В третьем периоде, в конце XII — начале XIII в., стрелковая площадка с бруствером закладывается пахсой, а также восстанавливаются частично разрушенные обкладки башен и участки стен.

Хронология строительных периодов оборонительных сооружений города в целом раскрывает систему его фортификации. Как отмечает

<sup>13</sup> Шишкин В. А. Указ. статья. С. 133—134.

<sup>14</sup> Монета определена Э. В. Ртвеладзе.

Г. Л. Семенов, без синхронизации перестроек нельзя составить полное представление о периодизации крепостных сооружений города<sup>15</sup>.

Таким образом, в истории оборонительных сооружений городища Старого Термеза выделяются следующие строительные периоды эпохи развитого средневековья, восстанавливающие историю города в целом. Первый период укладывается в пределы X в., когда проводятся большие ремонтные работы на стенах цитадели-кала, возводятся основная стена шахристана и оборонительные стены рабада. Во втором периоде, во второй половине XI в., также проводятся большие ремонтные работы на всех участках укреплений города, где отдельные башни облакаются кирпичной кладкой. Это находит свое подтверждение и в письменных источниках. В третьем периоде, в конце XII — начале XIII в., стрелковая площадка с бруствером закладывается пахсой, восстанавливаются разрушенные участки стен и башен.

Выделенные периоды истории средневековой фортификации Термеза в целом могут быть приняты и для всего Северного Тохаристана. В частности, на шахристане провинциального городка Кулаглытепа выявлены башни аналогичной конструкции, не уступающие по мощи стенам рабада Старого Термеза. Последний период функционирования стен Кулаглытепа синхронен первому периоду истории фортификации средневекового Термеза. Что касается городища Лягман, то на его укреплениях раскопки не были произведены, но возведение стен отнесено к XI—XII вв.<sup>16</sup> Крепостные стены и башни Лягмана по конструкции и планировке аналогичны укреплениям средневекового Термеза первого периода. Сходные конструкции и планировка стен и башен отмечены на крепости X—XII вв. Кызкурбан в Ангорском районе.

Оборонительные сооружения Северного Тохаристана периода развитого средневековья по планировке, конструкции и приемам строительства в целом находят широкие параллели в Среднеазиатском регионе, а выделенные периоды их строительства с некоторыми колебаниями могут быть приняты и для основных частей региона. В частности, Мерв, в Южном Туркменистане, в XI в. был обведен стеной нового, четырехугольного в плане шахристана (Султан-кала). В конце XI в. была произведена реконструкция его стен при Сельджукиде Мелкшахе. Позднее, как упоминается в письменных источниках, эти стены дважды были разрушены и восстановлены<sup>17</sup>. В XII в. башни были обложены пахсой и сырцовым кирпичом, а также наращены по высоте. В стенах башен и в самих стенах устроены прямые и косые бойницы<sup>18</sup>. Башни имеют форму полукруга. В целом укрепления Султан-калы по своей структуре, техническим приемам, форме башен сходны с укреплениями Термеза и Газны, отстроенными в X в.<sup>19</sup> Наружные стены дворца Газневидов в Лашкари Базаре снабжены прямоугольными в плане башнями; расстояние между ними — 25—40 м. Угловые башни имели округлую форму<sup>20</sup>.

На шахристане городища Мисриан в области Дахистан укрепления состоят из двух параллельных стен, промежутки которых разделены

<sup>15</sup> Семенов Г. Л. Оборонительные сооружения города//Мухамеджанов А. Р., Адылов Ш. Т., Мирзаахмедов Д. К., Семенов Г. Л. Городище Пайкенд: К проблеме изучения средневекового города Средней Азии. Ташкент, 1988. С. 47.

<sup>16</sup> Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Средневековая культура Тохаристана. М., 1985. С. 151.

<sup>17</sup> Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма//Труды ЮТАКЭ. Т. VI. Ашхабад, 1958. С. 191.

<sup>18</sup> Там же. С. 192.

<sup>19</sup> Там же. С. 193.

<sup>20</sup> Schlumberger D. Le Palais Ghaznevide de Lachari Bazar//Syria. Vol. 29. Paris, 1952. P. 256. Fig. 3.

на отсеки — своеобразные ловушки для врага. Стены и башни его сложены из пахсы и сырца и в XI—XII вв. обложены кладкой из жженого кирпича<sup>21</sup>. Отмечено еще два крупных ремонта его укреплений в начале XIII в., когда город подвергся монгольскому погрому, и в XIV в., в эпоху Темуридов<sup>22</sup>. Характерным приемом возведения укреплений Дахистана, как отмечает Е. Атагарьев, является наличие свободного пространства со стороны внутренней части городских стен<sup>23</sup>. Это так называемое пространство для передвижения защитников, которое имело место и на городище Старого Термеза.

Сходные конструкции и приемы строительства укреплений обнаружены и на памятниках Хорезма. Но следует отметить, что укрепления некоторых его городов (Каваткала, Гульдурсун, Змахшар) основаны на хорошо сохранившихся заброшенных стенах античного периода. В их восстановлении, наряду с характерной пахсой, применены и античные квадратные сырцовые кирпичи. На Гульдурсуне сохранившаяся на полную высоту стена обложена футляром из пахсы<sup>24</sup>. На Каваткала укрепления состоят из двух рядов стен, фланкированных башнями полуовальной формы по углам и по периметру. Стены и башни сложены из пахсы, имеются следы неоднократных ремонтов<sup>25</sup>. Однако в данном памятнике не удастся установить более подробную хронологию оборонительных сооружений. В Хорезме, как отмечает С. П. Толстов, укрепления городов, крепостей и замков в средневековье представляют собой глинистые массивы, как правило, лишенные бойниц. Воины располагались не во внутренних галереях, а наверху стен, между зубцами<sup>26</sup>.

На укреплениях городища Афрасиаба рядом исследователей отмечены крупные ремонтно-строительные работы, проведенные в предмонгольское время, в конце XII — начале XIII в.<sup>27</sup> Оборонительные сооружения Бухары этого времени хронологически делятся на несколько периодов. В частности, в 849—850 гг. возведена стена внутреннего рабада. При Арслан-хане (1102—1130 гг.) она была капитально отремонтирована. В Арке наиболее крупный ремонт был произведен в 1164—1165 гг.; тогда и была возведена стена внешнего рабада, причем часть стен и башен укрепили жженым кирпичом<sup>28</sup>.

В усрушанском городе Бунджикат возведение стены рабада (Калаи-Кахкаха III) отнесено к IX—X вв., а также отмечены два периода ремонта<sup>29</sup>. Расцвет городской жизни падает на IX—XII вв.<sup>30</sup>

В Фергане на городище Ахсикет тоже прослеживаются периоды строительной истории его средневековой фортификации. С конца IX—X в. отмечено запустение его укреплений, хотя жизнь во всех частях города развивалась<sup>31</sup>. В конце XII — начале XIII в. была проведена

<sup>21</sup> Пугаченкова Г. А. Указ. статья. С. 195.

<sup>22</sup> Там же. С. 33, 44.

<sup>23</sup> Там же. С. 171.

<sup>24</sup> Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948. С. 238—240.

<sup>25</sup> Вактурская Н. Н., Вишневская О. А. Памятники Хорезма эпохи Хорезмшахов (XII — начало XIII в.)//МХЭ. Вып. I. М., 1959. С. 150—151.

<sup>26</sup> Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. С. 251.

<sup>27</sup> Пачос М. К. Из раскопок на Афрасиабе: Исследование второй городской стены Афрасиаба//Из истории культуры народов Узбекистана. Ташкент, 1965. С. 29; его же. К изучению стен городища Афрасиаб//СА. 1967. № 1. С. 69; Анарбаев А. А. О времени возведения III крепостной стены Афрасиаба//ИМКУ. Вып. 19. Ташкент, 1984. С. 211 и др.

<sup>28</sup> Большаков О. Г. Указ. соч. С. 254.

<sup>29</sup> Негматов Н. Н., Хмельницкий С. Г. Средневековый шахристан. Душанбе, 1966. С. 92.

<sup>30</sup> Там же. С. 192.

<sup>31</sup> Анарбаев А. А. Ахсикент в древности и средневековье: Итоги и перспективы исследования//СА. 1988. № 1. С. 185.

капитальная перестройка городских укреплений. На городище Кува внутренняя стена цитадели, возведенная в VIII—IX вв., в XI в. была разрушена<sup>32</sup>. В укреплениях других городов рассматриваемого времени периодизация фортификации не выделяется, хотя, как отмечает Истахри, «нет в Фергане города без кухендиза и укрепленной мадины»<sup>33</sup>.

На городище Канка (средневековый Харахкент), в Ташкентском оазисе, в укреплениях периода X—XI вв. наблюдается запустение. В пределах двух первых его крепостных стен функционировала лишь третья крепостная стена<sup>34</sup>.

В Южном Казахстане и Семиречье в период развитого средневековья городские укрепления отмечены на шахристане Отрара. Первоначально его стены были возведены в VI—VIII вв., просуществовали до IX—X вв., а в конце X — начале XI в. утрачивают свою функцию. Стены XI—XII вв. не обнаружены, видимо, как сообщается в источниках, они были уничтожены монголами<sup>35</sup>. Руины стен рабада датируются X—XII вв., последний их ремонт приходится на конец XII — начало XIII в.<sup>36</sup> Стены шахристана Баба-Аты в X в. были обложены «рубашкой» из кирпича. Наверху стен и башен имелся парапет. Стены его рабада возведены из пахсовых блоков в XI—XII вв.<sup>37</sup> На шахристане городища Ак-тебе I стена была из пахсовых блоков. В IX — первой половине XI в. башни его имеют трапецевидную форму и выступают за линию стен на 3—3,5 м<sup>38</sup>.

Таким образом, в оборонительных сооружениях Средней Азии поры развитого средневековья выделяются несколько периодов, которые с некоторыми отклонениями характерны для региона в целом. Это особенно ярко отмечено их сходными строительными приемами, конструкцией, а также хронологическим диапазоном. Для первого периода, с конца IX—X в., в оборонительных сооружениях всего Среднеазиатского региона наблюдаются сходные во многом конструктивные черты и особенности строительной техники. Она характеризуется пахсовыми монолитными стенами и полуовальными башнями, увенчанными наверху парапетом с валгангом. В парапетах, как правило, устраивались прямоугольные, прямые и косые бойницы. Оборона сосредоточивалась наверху стен и башен.

Второй период истории укреплений региона падает на XI — начало XII в., когда характерные признаки конструкции и приемы строительства предыдущего периода сохраняются. А при реконструкции стен и башен для создания кожуха наряду с пахсой применяется и жженный кирпич. Однако в этом же периоде отмечено запустение в укреплениях некоторых городов, не отразившееся в целом на самом городе (Кулаглы-тепа, Ахсикент, Канка, Отрар, Кува и др.).

В третьем периоде, охватывающем время с середины XII до начала XIII в., продолжают сохраняться характерные признаки конструкции и приемов строительства укреплений предыдущих периодов. В укреплениях подавляющего большинства городов региона того времени отмечены крупные ремонтно-строительные мероприятия, вызванные угрозой монгольского нашествия, которые подтверждаются письменными источниками. Дальнейшее развитие городов здесь было прервано монгольским завоеванием, которое привело тогда к вымиранию почти всех городов региона.

<sup>32</sup> Булатова В. А. Древняя Кува. Ташкент, 1972. С. 16.

<sup>33</sup> Большаков О. Г. Указ. соч. С. 205.

<sup>34</sup> Абдуллаев К. Археологическое изучение городища Канка. 1969—1972 гг. // ИМКУ. Вып. 12. Ташкент, 1975. С. 150.

<sup>35</sup> Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI — начало XIII в.). Алма-Ата, 1986. С. 141—145.

<sup>36</sup> Там же. С. 506.

<sup>37</sup> Там же. С. 145.

<sup>38</sup> Там же.

## О ХУДОЖЕСТВЕННОМ МАСТЕРСТВЕ ЮВЕЛИРОВ ТЕРМЕЗА ЭПОХИ ДРЕВНОСТИ И РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

История ювелирного искусства г. Термеза имеет глубокие традиции. Его истоки следует искать в культах, обычаях, религиях. На историю развития ювелирных украшений влияли как внутренние, местные, так и внешние культуры.

Здесь мы рассмотрим ювелирные украшения древнего Термеза, выявляя наиболее характерные типы и формы, специфику композиционного решения. В этих целях нами использованы соответствующие этнографические, исторические, искусствоведческие материалы, а также археологические находки, хранящиеся в музеях Термеза и Ташкента.

Автором были исследованы бусы Сурхандарьинского областного краеведческого музея г. Термеза и коллекции НИИ искусствознания АХ РУз<sup>1</sup>. Затем была произведена классификация металлических, костяных, а также каменных и стеклянных украшений округа Термеза (браслеты, кольца, заколки для волос, серьги, подвески на грудь, бусы, поясные пряжки)<sup>2</sup>.

Отметим, что о ювелирном искусстве Термеза домусульманского периода нет еще специального обобщающего исследования, но по отдельным украшениям существует ряд научных публикаций в сборниках, отчетах, тезисах докладов.

Известны отдельные публикации по головным украшениям, коронам и заколкам для волос с навершиями в виде плода граната, кисти руки и т. д.<sup>3</sup> Уникальному гребню из Кампыртепа посвящена отдельная статья<sup>4</sup>. В качестве сравнительного материала упоминается кампыртепская поясная пряжка с изображением всадника на крылатом коне в зарубежном издании<sup>5</sup>.

Обобщая основные сведения о ювелирных украшениях Термеза и его округа, мы попытались систематизировать основные типы археологических находок и выделить из них наиболее характерные.

Особо популярными изделиями для головы были заколки-шпильки. Они имели форму длинного стержня, который с одной стороны был острый, как шило, а с другой — имел навершие с изобразительным мотивом, что и делало булавку украшением. В зависимости от изоб-

<sup>1</sup> Лунева В. В. Ювелирное искусство Северной Бактрии — Тохаристана (технико-технологический аспект исследования): Дис. канд. иск. Ташкент, 1993; ес же. Бусы из Кампыртепа//Материалы Тохаристанской экспедиции: Археологические исследования Кампыртепа. Вып. 1. Ташкент, 2000. С. 123—130; ес же. О связях Северной Бактрии — Тохаристана с Индией и Ираном (По данным изучения ювелирных изделий)//ОНУ. Ташкент, 1999. № 7—8. С. 66—67.

<sup>2</sup> Лунева В. В. Ювелирные украшения Кампыртепа//Материалы Тохаристанской экспедиции: Археологические исследования Кампыртепа. Вып. 2. Ташкент, 2001. С. 113—123.

<sup>3</sup> Батыров И. Т., Шейко К. А. Археологические находки из Кампыртепа в фондах Сурхандарьинского областного краеведческого музея//Древняя и средневековая культура Сурхандарьи: Сборник научных статей, посвященных археологическим исследованиям в Сурхандарьинской области Республики Узбекистан. Ташкент, 2001. С. 29; Скугарова Н. Г. Костяные заколки из Кампыртепа//Там же. С. 44—51; Ртвеладзе Э. В. Великий Шелковый путь. Ташкент, 1999. С. 65; Фахретдинова Д. А. Ювелирное искусство Узбекистана. Ташкент, 1988. С. 25—26; Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины XIX века. М., 1965. С. 75—77.

<sup>4</sup> Никоноров В. Уникальный гребень из Кампыртепа//Материалы Тохаристанской экспедиции... Вып. 1. С. 131—137.

<sup>5</sup> Ilyasov J. Ya., Rusanov D. V. A Study on the Bone Plates from Orlat//Silk road and archaeology. 5. Kamakura, 1997/98. P. 149.

ражения сакральное значение заколки как амулета возрастало. Основной была их практическая функция, т. е. фиксация прически или головного убора, а также они служили шилом, но с другой стороны, булавки-шпильки были оберегами, что и определяло их форму, композицию, сюжет, орнамент, материал.

Большое распространение получили навершия на булавках в форме правого кулака<sup>6</sup>. Считалось, что правая рука — это солнце, а левая — месяц<sup>7</sup>. Ранние находки булавок с таким навершием (бронзовые, литые) обнаружены в Джаркутане, на территории Северной Бактрии эпохи бронзы<sup>8</sup>. Очевидно, такой сюжет связывали с символом работоспособности; изображение руки — один из древнейших символов (к числу самых ранних примеров относятся палеолитические наскальные росписи на стенах в пещерах)<sup>9</sup>.

Металлические булавки с розетковидными навершиями или спиралевидными головками из Кампыртепа имеют прямые связи с Передней Азией, ибо древнейшие экземпляры булавок такого типа известны именно там<sup>10</sup>. Интересны булавки с навершиями в форме плода граната. Гранат — символ богини плодородия, начиная с раннеземледельческих культур, античности, средневековья и вплоть до XX в. «Изображение плода граната существовало на протяжении длительного времени, и как выражение магической идеи плодородия, и как поэтический символ изобилия — эти функции неразрывно существуют в народном сознании, объединив опыт многочисленных земледельческих обычаев и представлений...»<sup>11</sup>

Катушкообразные навершия на заколках довольно популярны по находкам античного времени по всей Бактрии; изготовлены они из кости. О разновидности этих изделий писал Б. А. Литвинский. Автор отмечает аналогичную форму в Индии эпохи бронзы и то, что она могла в раннекушанское время распространиться в Среднюю Азию. Мы считаем, что наши изделия — индийского производства или сделаны под их влиянием<sup>12</sup>.

К головным украшениям относится уникальный гребень, изготовленный из кости<sup>13</sup>. На одной его стороне изображена женщина, на другой — петух. По определению автора, этот гребень уникален, поскольку все известные до него обнаруженные декоративные костяные гребни, которые происходят с памятников кушанской эпохи... Бактрии... украшены гравированными, а не рисованными изображениями. К тому же... все они являются изделиями индийских мастеров. Здесь важно отметить, что декор нашего гребня явно местного происхождения...»<sup>14</sup> Об этом свидетельствует этнический тип изображенной женщины, похожий на местный, бактрийский. Изображение петуха на

<sup>6</sup> Левушкина С. В. Цветной металл Кампыртепа//Древняя и средневековая культура Сурхандарьи... С. 34. Рис. II, 22.

<sup>7</sup> Гринькова Н. П. Отражение производственной деятельности руки//СЭ. 1935. Вып. 1. С. 88.

<sup>8</sup> Аскарлов А. А., Абдуллаев Б. Н. Джаркутан. Ташкент, 1983. С. 38; С. 105, табл. XXXV; Аскарлов А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977. С. 77.

<sup>9</sup> Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии//Археология. М., 1985. С. 400; Голан А. Миф и символ. М., 1994. С. 153.

<sup>10</sup> Кузьмина Е. А. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. М., 1966. С. 78.

<sup>11</sup> Скугарова Н. Г. Костяные заколки...; Хакимов А. А. Изобразительно-орнаментальные образы и мотивы прикладного искусства//Древняя и средневековая культура Сурхандарьи... С. 49.

<sup>12</sup> Литвинский Б. А. Украшения из могильников Западной Ферганы. М., 1973. С. 146.

<sup>13</sup> Никоноров В. Уникальный гребень... С. 131—137.

<sup>14</sup> Там же. С. 133.

гребне не случайное, так как он был популярен на Древнем Востоке, в Иране, Средней Азии, в зороастризме. Петух считался, по поверьям, оберегом, с ним связывали многие магические функции. Были уверены, что он является «вестником доброго божества Сраоша, провозглашавшим своим криком на заре прибытие последнего, а также побуждавшим людей вставать рано утром и изгонявшим мрак ночи и злого духа сна...»<sup>15</sup>

Бактрия — богатый край, в недрах которого имелись лазурит, бирюза, кварц, оникс, пирит, сердолик, арагонит, горный хрусталь и т. д. Так что не случайно совершенство технологии обработки камня является отличительным качеством ювелиров данного региона. Мастера владели огранкой, обточкой, сверлением, т. е. всеми известными в то время техниками обработки камня. Об отношении к камням, сложившемся в художественной картине мира термезцев, можно судить по древним поверьям и преданиям, сохранившимся в устном фольклорном творчестве, а позже заимствованным средневековыми учеными.

Драгоценными и полудрагоценными камнями украшали диадемы, короны, перстни, браслеты, пояса, одежду. Предполагается, что размещение на теле человека камней и предметов украшения осуществлялось по строго определенным правилам: «Тот алмаз, который покажется самым белым и будет отборным, он считался наиболее пригодным для украшения мечей, ожерелий и всяческих уборов, которыми украшают верхнюю часть тела; тот, у которого цвет переходит в черный, идет для ножных браслетов и других украшений ног...»<sup>16</sup>

Богато украшались природными самоцветами головные уборы правителей и знати, диадемы. Диадемы представляли собой узкую повязку, и носили их кушанские правители, жрецы. На территории Бактрии диадемы встречались уже во II тыс. до н. э., в пору бронзы, но большое распространение они получили в эпоху античности<sup>17</sup>. Такой тип головного убора, более сложный, в виде листьев, найден в богатом женском захоронении Северной Бактрии и аналогичен украшению головы царицы Шубад из Древнего Ура.

Мотив листьев с древних времен считался символом жизни и возрождения природы и остался традиционным в современных украшениях для головы<sup>18</sup>. В Термезе, на живописи святилища Фаязтепа и скульптуре в арке на сидящем Будде за головой изображен нимб. «вокруг которого венки из веток дерева бодхи — под ним, по преданию, Будда получил просветление...»<sup>19</sup> В округе Термеза, на городище Кампыртепа, найдена бляшка в форме листа<sup>20</sup>. Листья обрамляют скульптурную головку, найденную на Айртаме<sup>21</sup>; лист плюща находится в центре головного украшения арфистки на скульптурном рельефе Айртама<sup>22</sup>.

<sup>15</sup> Там же; Абдуллаев К. Золотая фигурка птицы из Темур Коруга (К вопросу о связях Давана с Бактрией)//Фергана в древности и средневековье: Сборник статей, подготовленный в честь 70-летия со дня рождения акад. Российской национальной Академии наук Ю. А. Заднепровского. Самарканд, 1994. С. 76.

<sup>16</sup> Абу Рейхан Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей: Минералогия. М., 1963. С. 382.

<sup>17</sup> Аскаров А. А. Древнеземледельческая культура... С. 77, табл. XXXIX, 1, 2, 3; Древности Южного Узбекистана. Токио, 1991. С. 289. № 174; С. 292. № 189.

<sup>18</sup> Фахретдинова Д. А. Ювелирное искусство... С. 9; Кузьмина Е. Е., Сарияниди В. И. Два головных убора из погребения Тиллятепа и их семантика... С. 23.

<sup>19</sup> Альбаум Л. И. Живопись святилища Фаяз-тепа//Культура Среднего Востока: Изобразительное и прикладное искусство. Ташкент, 1990. С. 19—25.

<sup>20</sup> Левушкина С. В. Цветной металл... С. 34. Рис. II, 7.

<sup>21</sup> Yatsenko S. A. The Costume of the Yuech-Chih: Kusshans and its Analogies//Silk road art and archaeology, 7. Kamakura, 2001. P. 93. Pl. 13, № 9.

<sup>22</sup> Фахретдинова Д. А. Ювелирное искусство... С. 25.

Украшение такого типа найдено на женщине в захоронении Южной Бактрии — Тиллятепа. «Характер изображений на парадном облачении и корона бактрийки Тиллятепа позволяет видеть в ней не просто знатную женщину, а царицу правящего рода — басилину, выступавшую земной заместительницей богини плодородия, что и символизировало древо жизни на ее короне»<sup>23</sup>. То же значение космического символа имеет модель дерева на головном уборе мужчины из погребения 4: «Изображение дерева на головном уборе свидетельствует о его сакральных функциях и позволяет считать его именно царем. В архаических традициях царь считался носителем земного плодородия, посредником между миром людей и богов. Поскольку связывающим звеном между землей и небом служит мировое дерево, этот символ поместили на царские инсигнии...»<sup>24</sup> Авторы считают, что древо жизни на бактрийских коронах находит свои аналоги в древних общеиранских традициях.

Большой интерес представляет конусовидный головной убор на терракотах древнего Термеза<sup>25</sup>. Исследователи отмечают бытование такого типа островерхого убора у кыргызов, уйгуров, башкир, ногайцев, узбеков. Считалось, что остроконечный конус «объединяет в себе представление о солнечном сияющем кольце, о священной горе, связывающей миры, а также представление об острие, копье, пронзающих злые духи...»<sup>26</sup>

К следующей разновидности головного убора из древнего Термеза относится зубчатая корона. «Изображение ступенчатых башенок составляет декоративную основу головных украшений — венцов царственных особ или божеств. «Корона муралис» — одна из наиболее характерных реалий в царской иконографии»<sup>27</sup>. Разновидности короны в виде башенки или крепостной стены в эллинистическое время изображались на богинях Тюхе, Фортуне, Кибеле.

Основным материалом для изготовления корон служило золото — металл «совершенный, божественный, дарующий жизнь, и он был посвящен высшим богам и солнцу...»<sup>28</sup> В Индии и Греции золото считалось бессмертным, так как оно воспринималось как дар солнца. Китайцы все, что считалось неземным, раскрашивали под золото. Этот металл считался средством для обретения бессмертия, а Ибн Сина относил золото к разряду универсальных и сильнодействующих лекарств.

Золото в ювелирном деле чаще всего применялось в сочетании с драгоценными камнями. Самым излюбленным самоцветом в коронах термезских правителей и состоятельных слоев населения был жемчуг. Он олицетворял совершенство, чистоту, мудрость, был символом общественного положения. Беруни написал о жемчуге специальный трактат.

<sup>23</sup> Кузьмина Е. Е., Сарияниди В. И. Два головных убора... С. 24.

<sup>24</sup> Там же.

<sup>25</sup> Сурхандарьинский областной краеведческий музей в г. Термезе (фонды); Древности Южного Узбекистана... С. 286. № 159; Yatsenko S. A. Op. cit. P. 89. Pl. 12, № 17.

<sup>26</sup> Горожанкина Е. М. Традиционное ювелирное искусство Средней Азии и Казахстана: Семантика, систематика, художественные особенности: Автореф... канд. дис. иск. М., 1997. С. 5—6.

<sup>27</sup> Абдуллаев К. Символика архитектурных деталей на оссуарных рельефах//ИМКУ. Вып. 25. Ташкент, 1959. С. 119.

<sup>28</sup> Николаев С. М. Камни: Мифы, легенды, суеверия. Новосибирск, 1995. С. 160. Правда, изделия из железа во времена Александра Македонского считались дорогими и были доступны только царям. Египетский фараон Рамзес II носил железный шлем; боевой шлем из железа как знак величия и достоинства носил и Александр Македонский, выделяясь среди своих солдат, имевших бронзовые доспехи. В Вавилоне железо было в восемь раз дороже серебра, а золото лишь в шесть раз. (Там же. С. 140).

тат. Свадебный головной убор китаянки дополняли жемчужные низки, которые свисали с ее головы, как паранджа, «плотно прилегали друг к другу, что за ними не было видно ее лица»<sup>29</sup>. Бактрийская корона с жемчугом упоминалась выше как головной убор типа диадемы с растительной символикой. «Сверху ствол заканчивается шестилепестковой розеткой, на конце каждого лепестка на тонких золотых проволоках свободно свисают золотые диски. От ствола в четыре стороны отходят изогнутые веточки, заканчивающиеся свободно вращающимися на проволочках дисками. Некоторые проволочки украшены посередине напизанными на них жемчужинами...»<sup>30</sup> Другая золотая корона в форме дерева украшалась бирюзой, также любимым самоцветом народов Средней Азии. Считали, что она влияет на зрение.

С жемчугом сочетали сердолики, полагая, что вместе они укрепят зубы и десны, предотвратят образование винного камня, вследствие чего зубы всегда будут здоровыми. Мистическими камнями считались изумруды. По поверьям, присутствуя в головных украшениях, они разгоняют эпихондрию, охраняют человека от опасности. Голубые камни считались «мостом между смертным человеком и бессмертными богами»<sup>31</sup>. Как символ власти правители Китая носили в головных уборах лазуритовые шарики, а их женщины украшали лазуритом волосы. На территории Свсрной Бактрии эпохи бронзы найдена заколка для волос, украшенная лазуритом<sup>32</sup>. Монголы и буряты инкрустировали лазуритовыми шариками «шишаки» на женских шляпках<sup>33</sup>.

Загадочный минерал магнетит, популярный у магов, алхимиков, колдунов, также использовался в украшениях корон. Об этом свидетельствует легенда об Александре Македонском: «Собираясь в поход на Индию, перейдя реку Инд, Македонский попал в монастырь, где монахи тщательно оберегали корону, изготовленную из черного металла. Спереди корона была украшена рубинами, а по бокам, в областях, соответствующих вискам, находились золотые диски, в центре которых располагались черные камни. Монахи предупредили, что корону может надеть только сын божества. Александр, считая себя таковым, надел ее, после чего лишился памяти и всех планов похода на Индию. По всей видимости, черными камнями короны были магнетиты...»<sup>34</sup>

Природные самоцветы применялись и для изготовления нагрудных украшений. Многочисленную группу нагрудных украшений Термеза составляют находки бус и подвесок, обнаруженные в жилых, культовых и погребальных сооружениях. Из бус низали ожерелья, которые носили на шее, иногда с гривной. Гривна считалась признаком особых достоинств, царственности<sup>35</sup>.

В ожерельях часто применяли лазурит — округлый и граненый. Поскольку большое количество изделий из данного минерала обнаружено при раскопках на территории Средней Азии, мы связываем их с местным производством, тем более, что крупные разработки лазурита имелись в Бадахшане. Такие бусы известны из раскопок древнеземледельческих поселений Южного Туркменистана, Ирана, долины Инда, Белуджистана, Афганистана. Лазурит считали одним из высокоценных самоцветов. «В раскопках ранних цивилизаций лазуритовые бусы с сердоликом были очень частыми женскими украшениями

<sup>29</sup> Там же. С. 148.

<sup>30</sup> Кузьмина Е. Е., Сарияниди В. И. Два головных убора... С. 20.

<sup>31</sup> Там же. С. 243.

<sup>32</sup> Аскаров А. А. Древнеземледельческая культура... С. 77, табл. ХLI, 5.

<sup>33</sup> Николаев С. М. Камни... С. 189.

<sup>34</sup> Там же. С. 196.

<sup>35</sup> Там же. С. 189.

царственных особ и знати... Жрецы древней Индии и Вавилона высекали на изделиях из лазурита магические формулы заклинаний. В Индии широко использовали бусы и броши из лазурита для украшений священного быка Нанду...»<sup>36</sup>

Довольно популярна в ожерельях была бирюза, разработки которой известны в Средней Азии. Священная пектораль фараона украшалась бирюзой; индейцы признавали вождем племени того, кто мог из бирюзы делать бусы, а скарабен, изображенный из бирюзы на кольцах, являлись гордостью состоятельных египетских воинов. «У приверженцев ислама бирюза входила в обязательный свадебный наряд невесты, как символ девственности и будущей счастливой совместной жизни...»<sup>37</sup> На городище Кампыртепа обнаружены бирюзовые бусы и подвески каплевидной формы<sup>38</sup>. Каплевидные подвески найдены и в Тепан-Шах. Исследователи считают, что такая форма украшений была характерна для Вавилона<sup>39</sup>.

О связях Индии и Средней Азии свидетельствуют бусы гранатые, сердоликовые с наведенным орнаментом и особенно коралловые. Плиний Старший пишет, что в Индии кораллы ценились наравне с жемчугом; «индийские жрецы приписывали им нечто священное...»<sup>40</sup>

Особым видом украшений были раковины каури. О широком применении их свидетельствуют этнографические исследования. Они служили амулетами от сглаза. Их пришивали на детские головные уборы; девушкам их крепили на голову в украшение под названием «чаккали», в сочетании с монетками, шум которых якобы отпугивал злых духов. Каури считаются привозными из Индии.

Связи древнего Термеза с другими близкими и отдаленными регионами довольно ярко прослеживаются при изучении стеклянных бус. Изделия из них составляют самую большую группу. В ювелирных мастерских Бактрии работали ремесленники, имевшие богатый творческий опыт, поскольку обнаруженные находки свидетельствуют об очень тонкой и высокохудожественной обработке стекла. Об искусности бактрийских мастеров говорят находки стеклянных бус, в изготовлении которых использованы золото и серебро, находившиеся между двумя слоями стекла. Такие бусы обнаружены по всей территории Средней Азии античного периода. Золоченые бусы такого типа характерны для Северного Причерноморья, Ближнего Востока<sup>41</sup>. Возможно, местными изделиями были бусы с территории Северной Бактрии, из могильников Ялантуштепа, изготовленные из прессованного минерала с золотым песком. Внешне они производят непривлекательное впечатление, но, вероятно, они имели какой-то магический смысл в похоронном ритуале.

Многослойные орнаменты на стеклянных бусах подтверждают, что мастера использовали повторную оплавку стекла, которая позволяла изготавливать «глазчатые» и «полосчатые» бусы, имеющие многочис-

<sup>36</sup> Древности Южного Узбекистана... С. 287. Здесь гривна изображена на глиняной рельефной плитке, а на перстне-печатке из Кампыртепа — на женском божестве (С. 294. № 201).

<sup>37</sup> Николаев С. М. Камни... С. 105.

<sup>38</sup> Коллекция НИИ искусствознания АХ РУз.

<sup>39</sup> Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепан-Шах: Культура и связи Кушанской Бактрии. М., 1983. С. 58.

<sup>40</sup> Николаев С. М. Камни... С. 180.

<sup>41</sup> Абдуразаков А. А., Безбородов М. А., Заднепровский Ю. А. Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье. М., 1963. С. 81, 89, 127; Литвинский Б. А. Украшения из могильников Западной Ферганы. М., 1973. С. 133; Обельченко О. В. Курганные погребения первых веков н. э. и кенотафы Кую-Мазарского могильника//Труды САГУ. Новая серия. Вып. CXI. Исторические науки. Кн. 25. Археология Средней Азии. Ташкент, 1957. С. 113, 118, 120 и др.

ленные аналоги из Северного Причерноморья, Сирии, Ирана, Египта, Индии.

Говоря о египетско-кушанских связях, следует подробно остановиться на предметах из египетского фаянса — наиболее многочисленном материале египетского происхождения на среднеазиатских памятниках кушанского времени, особенно в Бактрии, в частности в Термезском регионе. К числу уникальных археологических находок с этой территории принадлежит фигурка-амулет в виде египетских богов, а также находка в Байсуне, изображавшая присевшего бородатого карлика. Фаянсовые амулеты в виде «кулака», виноградной грозди, фаллоса имеют большое распространение и связаны с семантикой плодovitости; они считались оберегами от сглаза, им приписывали магические свойства. Понравившийся им этот тип украшений бактрийцы научились изготавливать из камня, коралла, бронзы, золота, кости.

В заключение отметим, что специфика произведений, созданных термезскими ювелирами, свидетельствует о высоком уровне их мастерства; они выдержаны в едином художественном стиле, отличаются многообразием, наглядно демонстрируя синтез местных и иноземных особенностей. Для ювелирных украшений Термеза характерна их многофункциональность: в них сочеталось практическое, культовое, магическое и эстетическое назначение. Органическая ассимиляция образов, приемов, новшеств и местные традиции способствовали сложению регионального самобытного искусства термезских ювелиров эпохи древности и раннего средневековья.

**А. БУРИЕВ**

## **ТЕРМЕЗ В ПЕРИОД АМИРА ТЕМУРА И ТЕМУРИДОВ**

**(По сведениям письменных источников)**

Письменные источники свидетельствуют о том, что происходившие в период становления и развития государства Амира Темура и Темуридов важные исторические события охватывали как центральные районы Мавераннахра, так и окрестные, в том числе южные, с наиболее известным городом — Термезом. История Термеза периода Темура и Темуридов частично касается истории Чагатайского улуса в целом.

Как известно, Чингизхан распределил завоеванные им земли между четырьмя своими сыновьями, при этом Восточный Туркестан и Мавераннахр достались его второму сыну, Чагатаю, вследствие чего эта территория получила в науке название Чагатайский улус. Когда родился Амир Темур, этим улусом правил Казан Султанхан ибн Ясаур оглан (1332—1346).

К концу 40-х годов XIV в. начинается раздробление Чагатайского улуса и в Мавераннахре власть переходит к эмирам. Первым из них был эмир Казаган, который оказался наиболее влиятельным. Он выступил против Казан Султанхана. Битва между ними состоялась в 746 (1345—1346) г. х. у села Даран Занги, на территории нынешней Сурхандарьинской области. Вот что пишет об этом сражении темуридский историк Шараф ад-дин Али Язди в «Зафарнаме»:

«В той (битве) стрела, выпущенная из кольца лука Казан Султанхана, попала прямо в глаз эмира Казагана, и один его глаз ослеп. Вследствие чего (в той битве) он потерпел поражение. Казан Султанхан возвратился в Карши»<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Шарафиддин Али Язидий. Зафарнома (Мовароуннахр воқеалари, 1360—1370)/Форс тилидан О. Бўриев таржимаси. Тошкент, 1994 й. С. 46.

В том году в Мавераннахре зима была очень суровой, и большая часть коней войск Казан Султанхана погибла от морозов. Эмир Казанган, пользуясь удобным моментом, собрал войска и совершил поход на Карши. В битве, которая состоялась между ними в 747 (1346—1347) г. х., Казанган победил, а Казан Султанхан погиб. После этого эмир Казанган стал правителем западной части Чагатайского улуса, в том числе его южных районов, включая Термез с его окрестностями. В последующие годы он совершил несколько походов на запад и в 1352 г. захватил Герат.

Эмир Казанган часто ходил на охоту к берегам Джейхуна (Амударья). Во время одной из таких охот он был убит его зятем Кутлуг Темуром, это произошло в 759 (1357) г. х. Вот как описывает Шараф ад-дин Али Язди в «Зафарнаме» это событие:

«Эмир Казанган зимой жил в Сали-Сарае, а весной в лугах Каранавара, летом и осенью же водрузил знамя своего прибытия в Мунке. Он часто проводил время на охоте. Однажды он, забыв о необходимых условиях предосторожностей, вместе с десятью-пятнадцатью сопровождающими, без оружия, выступил из Сали-Сарая на охоту. Он переправился через Джейхун и выступил на охоту. Наподобие царей отправлял своего сокола в сторону дичи. Вдруг сокол смерти напал на птицу его духа, точнее, зять эмира Казангана, Кутлуг Темур Бурилдай из племени орнат, который издавна поджидал такого подходящего момента, с группой войск совершил внезапное нападение. Он стрелой предательства свалил того известного (правителя) и саблей мучения отправил его (душу) в рай»<sup>2</sup>.

В последующие годы Термез, как и весь Мавераннахр, находился в пучине феодальных раздоров. Несколько известных эмиров Мавераннахра: Амир Темур, эмир Хизр Ясаури, эмир Баязид джалаир и эмир Хусейн,—создав единую коалицию, начали борьбу за освобождение Мавераннахра от монгольского ига. Эти события частично касаются и Термеза. Так, эмир Хусейн в борьбе против Баян Сулдуза запросил поддержки Амира Темура. Последний вместе с Хизр Ясаури выступил с войском ему на помощь. Миновав Дарбанди Оханий (Железные Ворота), они дошли через Чаганиан до Хисар-и Шадмана. Баян Сулдуз не решился выступить против них и бежал.

К концу 60-х годов XIV в. разгорелась борьба за единоличное правление между эмиром Хусейном и Амиром Темуром. Эти события частично охватили и Термез. Когда войска Амира Темура подошли к Термезу, войска Хусейна во главе с Хиндушахом и Халилом не осмелились вступить в бой и бежали.

В этом походе поблизости от Термеза, в сел. Буё, произошла первая встреча Амира Темура с известным шейхом Сайидом Барака, который в предзнаменование будущих побед подарил ему знамя и барабан<sup>3</sup>. После этого Амир Темур собрал войска в этой области и окрестных районах. Вот что пишет об этом Шараф ад-дин Али Язди в «Зафарнаме»:

«Сахибкиран (Амир Темур) выступил из Буё и направился в сторону Чагана (Чаганиан), который расположен в верхнем бассейне Чаганруда (р. Сурхандарья). Он остановился в Чагана, оттуда отправил эмира Джаку в окрестные округа для сбора войск. (Эмир Джаку) собрал войска из различных племен, в том числе из племени сулдуз, и отправил их к августейшей ставке, а сам направился в сторону Хатлана для решения проблемы сбора войск. Победоносное знамя подошло к переправе Авбоджа. Здесь, согласно ранее поступившему приказу, к ним присоединились шейх Мухаммад Баян и Хинду-Каркара.

<sup>2</sup> Там же. С. 57.

<sup>3</sup> Там же. С. 204—205.

(Войска) переправились через реку Джейхун и благополучно достигли местности Хулм, где к ним присоединилась хазара (тысячница) той местности»<sup>4</sup>.

Амир Тему́р двинулся на Балх и в сражении с Хусейном одержал полную победу, после чего стал единоличным правителем Мавераннахра, включая территорию нынешнего Афганистана до Кабула. Из Балха в Шахрисабз Тему́р вернулся через Термез.

Как видим, Термез и Чаганиан имели важное политическое значение во второй половине XIV в., и Амир Тему́р пользовался весьма значительным авторитетом в этих областях. Об этом свидетельствует тот факт, что в решающем походе на Балх он смог собрать здесь значительное войско.

Термез, как и его область, упоминаются в источниках и при изложении политических событий XV в. Согласно сведениям Абдураззака Самарканди в «Матла ас-са'дайн», Шахрух передал в качестве суюргала часть южных пределов Мавераннахра, а именно Хисар и Шадман, в управление Мухаммад Джахангиру, сыну Мухаммад Султана, а области Термез и Чаганиан оставил в составе территорий, подчиненной Мирзе Улугбеку<sup>5</sup>.

Именно через Термез пролегал путь Улугбека при неоднократном посещении им Герата и возвращении обратно, т. е. он переправлялся через Джейхун (Амударья) у Термеза. В 853 (1449) г. х. Улугбек при выступлении на Балх против собственного сына Абдуллатифа сосредоточил свои войска также в районе Термеза.

Политические события второй половины XV в., происходившие в Мавераннахре и Хорасане, тоже касались Термеза. Так, темуридский правитель Абу Саид двинулся на завоевание Хорасана через Термез. В последующие годы он еще несколько раз проходил через этот город, когда направлялся из Хорасана в Мавераннахр, или наоборот.

После смерти Абу Саида развернулась борьба за власть между его сыновьями — Султан Ахмедом и Султан Махмудом. Последний с обидой на своего брата ушел из Самарканда, т. е. столицы, в Чаганиан, а оттуда — в область Хисар.

По сведениям «Бабурнаме» Захириддина Мухаммада Бабура, южные части Мавераннахра и северные районы современного Афганистана, точнее территории к югу от Кухитан и Кахка (Железные Ворота) — Чаганиан, Термез, Хисар, Хатлан, Кундуз, Бадахшан до Гиндукушского хребта, — находились в подчинении Султана Махмуда.

Известно также, что одна из жен Султана Махмуда была дочерью Мир Бузурга Термизи, одного из влиятельных лиц Термеза<sup>6</sup>, и, разумеется, этот царевич имел большой авторитет в городе.

Политические события, происходившие в Мавераннахре в конце XV — начале XVI в., также имели некоторое отношение к его южным районам. Согласно сообщению Мирза Хайдара в «Тарихи Рашиди», Шайбанихан после завоевания центральных частей Мавераннахра направился в его южные пределы. Через области Чаганиан и Термез он дошел до Хисара. После этого Шайбани отдал область Хисар в правление Хамзе Султану, а области Термез и Чаганиан — Махди Султану<sup>7</sup>.

<sup>4</sup> Там же. С. 201—202.

<sup>5</sup> Абдураззоқ Самарқандий. Матлаи саъдайн ва мажмаи баҳрайн/Форс тилидан таржима, кириш сўз ва изоҳлар А. Уринбоевники. Тошкент, 1969 й. С. 136.

<sup>6</sup> Захир ад-дин Мухаммад Бабура. Бабур-наме: Записки Бабура/Перевод М. Салье. Ташкент, 1958. С. 40.

<sup>7</sup> Мирза Мухаммад Хайдар. Тарихи Рашиди/Введение, перевод с персидского А. Урунбаева, Р. П. Джалиловой, Л. М. Епифановой. Примечания и указатели Р. П. Джалиловой и Л. М. Епифановой. Ташкент, 1996. С. 221.

В период правления Амира Темура и его потомков Термез как одна из главных переправ через Амударью на международной торговой трассе входил в число наиболее известных городов Мавераннахра.

С созданием Амиром Темуром огромной империи были восстановлены основные маршруты Великого Шелкового пути, один из которых проходил через Термез. Здесь пересекались пути караванов, проходивших из Китая на запад в южном направлении, а также из Индии в Мавераннахр.

Термез занимал особенно важное место в торгово-посольских связях государства Темуридов с Китаем в первой четверти XV в. Часть торговых караванов, следовавших из Китая на запад по территории Средней Азии, как по северной ветке — через Семиречье, так и по южной — через Кашгар и далее через Каратегин, прибывали в Термез, где действовала древняя переправа через Амударью из Мавераннахра в Хорасан. Так, согласно сообщению темуридского посла в Китай Гийас ад-дина наккаша в его «Дневнике» путешествия в Китай, в период правления Шахруха одна группа темуридских послов при возвращении из Китая после выхода из Кашгара проследовала в Герат через Каратегин, Хисари-Шадман, Термез и Балх<sup>8</sup>.

Торговые караваны и послы из западных стран, следовавшие в Мавераннахр в период правления Амира Темура, также обычно шли через Термез. Например, путь посольства короля Кастилии и Леона в Самарканд, ко двору Амира Темура, во главе с Руи Гонсалесом де Клавихо пролегал именно через Термез. Клавихо в своем дневнике оставил подробное описание своего пребывания в этом городе<sup>9</sup> (см. об этом ниже).

В период правления Темура и Темуридов Термез был также одним из крупных культурных центров Мавераннахра. Историк Хафиз Абру включает его в число четырех главных городов края: Бухара, Самарканд, Термез, Ходженд<sup>10</sup>.

В Термезе проживало достаточно много сейидов — потомков пророка Мухаммада. Они пользовались большим уважением как при Амире Темуре, так и при его потомках. Так, в 1371 г., когда Амир Темур отправился с войском в Моголистан, вблизи Отрара группа заговорщиков решила убить его. Но Темур заранее был осведомлен об этом, и заговорщики предстали перед судом (яса). Среди них находился Ханзада Абул Маали Термези. Поскольку он относился к термезским сейидам, Темур простил его, ограничившись выдворением его из пределов Мавераннахра<sup>11</sup>. Как видно из изложения событий последующих годов, позднее Темур простил Ханзаду полностью.

В конце XIV—XV в. область Чаганиан (в широком смысле — территория современной Сурхандарьинской области) занимала важное место в Мавераннахре в культурно-просветительном плане. С 90-х годов XIV в. из Бухары в эту область переселился видный представитель ордена накшбандия ходжа Алауддин Аттар. Он был первым учеником ходжа Бахауддина Накшбанда и его зятем. Алауддин Аттар поселился в Дехнаве (ныне Денау) и занимался распространением идей накшбандизма. Умер он в 1400 г. и был похоронен близ Денау.

<sup>8</sup> Уринбоев А., Бўриев О. Гиёсиддин Наққошнинг Хитой сафарномаси. Тошкент, 1991 й. С. 44.

<sup>9</sup> Руи Гонсалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403—1406)/Перевод со старониспанского, предисловие и комментарии И. С. Мироковой. М., 1990. С. 99—100.

<sup>10</sup> Хафиз Абру. География. Ркп. Оксфордской (Бодлеянской) библиотеки, Фразе, 155 (на перс. яз.), л. 172 б.

<sup>11</sup> Шараф ад-дин Али Йезди. Зафар-наме. Ркп. ИВАН РУз, № 4472/Подготовка к изданию, введение, примечания и указатели А. Урунбаева. Ташкент, 1972, л. 145 а.

Эту деятельность продолжали его потомки, в том числе его сын, ходжа Хасан Аттар. Последний пользовался большим уважением при правлении Шахруха. Однажды, когда шейх прибыл в столицу — Герат, Шахрух лично вышел встретить его.

Могилы ходжа Алауддина Аттара и его потомков стали местом поклонения мусульман, и эта традиция сохранилась по настоящее время. Кладбище там тоже названо по его имени — «Кладбище шейх Аттара Вали». В те же годы здесь проживал и другой крупный наставник ордена накшбандия, маулана Якуб Чархи (ум. 1447 г.).

Все это говорит о значимости Термеза и его округа во времена Амира Темура и Темуридов.

#### ПЕРЕВОДЫ И ИЗВЛЕЧЕНИЯ

**Хафиз Аbru. География.** Термез — город, расположенный на берегу Джейхуна, имеет крепость (кухандиз); (а в прежние времена) он имел городскую стену (шахристана) и окрестный вал (рабада). В шахристане расположены городской рынок и соборная мечеть. Дома у горожан глинобитные; население пользуется водой реки Джейхуна, для орошения используют также воды реки Чаганиан (современная Сурхандарья).

Говоря о дате постройки города, утверждают, якобы он был построен Искандаром (Александр Македонский). Этот правитель во время похода на северные страны, когда дошел до берега Джейхуна, (где сейчас расположен город Термез), данную местность счел удобной для постройки (города), после чего она постепенно застроилась, и на этой новой переправе образовался город.

**Шараф ад-дин Али Язди. Зафар-наме** (Переводы-извлечения с персидского. Ркп. ИВ АН РУз, № 4472).

Слово о выступлении эмира Хусейна  
для битвы с эмиром Баян Сулдузом (л. 97а)

Эмир Хусейн, внук эмира Казагана, немедленно вышел из Кабула и направился на войну с эмиром Баян Сулдузом. Для этой цели он начал собирать войска и снарядил их оружием, одновременно отправил посла к господину Сахибкирану (Темуру) и эмиру Ясаури с просьбой оказать помощь. Они (эмиры), посоветовавшись, пришли к такому заключению: Господин Сахибкиран и эмир Ясаури считали целесообразным удовлетворить просьбу эмира Хусейна. Эмир Баязид же для предотвращения возможности нападения эмиров Жата отправился преградить путь Туглук Тимурхану. Когда он дошел до Ходженда, стало известно о выступлении Туглук Тимурхана с войском и о том, что он находится в районе р. Чу. После этого известия эмир Баязид не решился идти дальше (на восток) и остановился в Ходженде.

В это время господин Сахибкиран и эмир Хиэр с войском отправились на помощь эмиру Хусейну. Они прошли через Дарбанди-Аханин, который называют также Кахалка, и объединились с эмиром Хусейном. Они совместно двинулись в сторону Хисари-Шадман, так как эмир Баян Сулдуз находился там. Оказывать сопротивление было бессмысленным, и эмир Баян Сулдуз бежал в сторону Бадахшана. Они преследовали его по пятам, и, когда дошли до Бадахшана, правитель той местности бежал, а область Бадахшан перешла в подчинение эмира Хусейна.

Слово о сражении господина Сахибкирана  
с эмиром Ясаури (л. 98б)

Господин Сахибкиран прибыл в Термез, так как стало известно, что в тех местах шейх Али Джурджури осмелился преступить пределы своей возможности и выступил с войском.

В местности Ангор войска с обеих сторон вступили в сражение, и враг тут же потерпел поражение. Богатыри победоносного войска при первом ударе сокрушили врага и преследовали его до Кухна Термеза (Старый Термез). После того, как войска вернулись победителями, местность Кухна Термеза сделали местом счастливой своей стоянки.

**Слово о выступлении господина Сахибкирана с войском на битву с эмиром Хусейном (л. 116а)**

Осенью семьсот шестьдесят седьмого (1365) года, т. е. в год лошади, господин Сахибкиран собрал большое количество войск и начал поход для сражения с эмиром Хусейном. Передовую часть (манглай) во главе с эмиром Сайфуддином отправил заранее. Эмир Хусейн задумал путем хитрости и обмана заманить господина Сахибкирана в ловушку, как это удалось ему сделать с Шер-Бахрамом. С этой целью он отправил Малик Бахадура и его сына Абдаллаха с письмом, в котором были написаны лживые слова:

«До настоящего времени мы с тобой совместно выступали и с успехом отбирали победный мяч с поля противника. Целесообразно, чтобы и в дальнейшем сохранили данную сложившуюся традицию, чтобы это письмо послужило основой для этого, и никто из сторон не думал о беспокойствии».

Когда победоносные войска перешли через Кахалку и Байсун стал местом счастливой стоянки, сюда прибыли (послы эмира Хусейна) Малик Бахадур и Абдаллах с посланием эмира Хусейна, а также говорили о перемирии. (Амир Темур) оставил без внимания их изложение.

**Слово о походе господина Сахибкирана с войском на эмира Хусейна и одержании победы над ним божьим велением (л. 135б—136б)**

Господин Сахибкиран окончательно решил уничтожить эмира Хусейна, объявил войну против него и приказал собрать войска. По этому жесткому приказу без промедления были собраны войска. Он привел в порядок фланги и центр армии. Командующим флангом назначил эмира Мусу. А он сам в благоприятный час и в счастливом гороскопе вышел из Кеша и с группой богатырей шел впереди.

Когда они дошли до Хузара, эмир Муса, по свойственной ему привычке, впал в панику, нарушил данное им слово и убежал в сторону Самарканда. Господин Сахибкиран не обратил внимания на подобный его поступок. Союргатмыш оглана вместе с эмиром Муайядом, Хусейн барласом и еще несколькими богатырями он отправил в составе передовой части, а сам возглавил центр (кул) войска.

Передовая часть, миновав Кахалку, дошла до Термеза. Войска эмира Хусейна во главе с Хиндушахом и Халилом, увидев их, убежали восвояси, переправившись через реку Амуйа, направились в Балх. Господин Сахибкиран остановился в местности Буё, в трех фарсах от Термеза.

(Здесь) один из почтенных Мекки, уважаемый среди сейидов, Сейид Барака вышел встретить господина Сахибкирана и в знак симпатии к нему преподнес в подарок барабан и знамя как символы правления и царствования. После этого события (у них) сложилась тесная дружба, а после смерти прах их похоронят под одним куполом. Господин Сахибкиран питал огромную симпатию к членам семьи Пророка (Мухаммада, т. е. сейидам), и эту традицию продолжают его потомки.

**Слово об отправлении войск господином  
Сахибкираном в сторону Термеза и Балха**  
(лл. 143 б—144 а)

Поскольку заранее судьбой были начертаны итоги дел Зиндахашма, несмотря на все милости (со стороны Амира Темура), подсказки сатаны вывели его с верного пути. Он осмелился переступить черту повиновения и из-за своей недальновидности узды желания отдал в руки мечты. Дело в том, что Ханзада Абдулмаол присоединился к Зиндахашму, и они совместно грабили улусы Балх и Термез.

Когда стало известно господину Сахибкирану об этом их дерзком поступке, он отправил в качестве передового отряда группу войск во главе с Хитай бахадуром и Аргуншахом Бурдалиги. Им было поручено подавить этот бунт и в этом деле проявить мужество и отвагу; защищать интересы простого народа, ибо они являются временным божьим явлением. Эмиры с войсками прибыли в Термез; здесь с другой стороны (Джейхуна) на реке был построен мост из лодок. Группа неприятелей ночью убежала через этот мост и заодно разрушила его с другого конца. Вражеские войска, когда увидели победоносные войска, побледили, испугались и начали убегать. В полной панике повернули узды коней в сторону моста, но они не знали о случившемся ночью (т. е. разрушении моста на том конце). Когда они дошли до середины моста, тогда только узнали о разрушении моста на другой стороне. Победоносные войска достигли врага и с божьей помощью подвергли его обстрелу. Многие из вражеских войск были сражены стрелами, остальные бросились в воду и погибли. Только немногим, точнее меньше десятой части, удалось выбраться на берег. Зиндахашм тоже убежал и прибыл в Шибурган и там он закрылся, задумал сделать стены крепости для себя защитой.

**Слово о возвращении господина Сахибкирана  
из похода (в Индию) и переправе его  
через реку Джейхун (лл. 345 а—345 б)**

Двадцать первого раджаба, в воскресенье (29 марта 1399 г.), щедрый, как море, Сахибкиран на лодках переправился через реку Джейхун. Там царевич Улугбек, царевич Ибрахим Султан, (дочь царевича Мираншаха) Бекаси Султан, уважаемые господа палатки величия — Сараймулк ханум, Тукал ханум, Туман ага, другие царевичи, вельможи, высокопочтенные люди Самарканда — все они получили почести встречи с господином Сахибкираном...

В течение воскресенья и понедельника они находились в Термезе. В понедельник Ханзада Ала-ал-Мулк (из числа термезских сейидов), который по своей генеалогии, без сомнения, относится к семье Пророка (Мухаммада) и является высокочтимым и известным, устроил пир в честь Сахибкирана и преподнес соответствующие подарки.

Двадцать третьего (раджаба), во вторник, победоносное знамя из Термеза перешло в село Джаханшах, а двадцать четвертого (раджаба), в среду, прибыло в Тараки-Гармаба, двадцать пятого, в четверг, перешло через Кахалку.

**Руи Гонсалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд  
ко двору Темура (1403—1406)<sup>12</sup>**

В тот четверг (21 августа 1404 г.), когда посланники подъехали к этой большой реке, перешли на ее другой берег. И в тот же самый

<sup>12</sup> Руи Гонсалес де Клавихо. Указ. соч. С. 99—100.

четверг, когда посланники подошли к этой великой реке, вечером они были уже в большом городе, называемом Термит (Термез); прежде он относился к Малой Индии, а теперь к империи Самарканте, так как был завоеван Тамурбеком. За этой рекой простирается царство Самарканте...

На этой большой реке есть обычай, который сеньор требует соблюдать: как только он перейдет с одного берега на другой, то после него никто не имеет права пройти по мосту и тотчас его ломают. А по реке ходят лодки и перевозят людей с одного берега на другой, и никому из Самаркантского царства не разрешается переезжать на лодке (на другой берег), если он не покажет грамоту или указ с разъяснением, откуда и куда направляется, даже если бы он был из соседних (владений). А кто хочет перебраться в царство Самарканте, может это сделать без предъявления какой-либо грамоты. К этим лодкам царь приставил большую стражу, и она собирает значительную пошлину с тех, кто пользуется ими. А эта стража у реки поставлена вот для чего: сеньор привел в Самаркантскую землю много пленников из завоеванных им стран для поселения здесь, так как он прилагает много сил для многочисленности и возвеличения ее, (а стражников он поставил для того), чтобы (эти люди) не разбегались и не возвращались в свои земли. И даже, когда ехали посланники, они встречали людей сеньора в Персидской и Хорасанской землях, которые, если находили сирот или бездомных или каких-либо бедняков, мужчин и женщин, не имевших ни дома, ни имущества, то силою брали их и вводили в Самарканте для поселения там. Так, одни вели корову, другие осла, барана или двух овец или коз, и когда приходили на (указанное) место, то (местный) совет обеспечивал их (необходимым) по указанию сеньора. И, таким образом, как говорили, сеньор привел в Самарканте около ста тысяч лошадей, если не больше.

А этот город Термит, куда посланники приехали в тот день, очень большой и густонаселенный; у него не было ни стен, ни какой-либо ограды. А вокруг располагались сады и множество каналов. Более ничего не могу сказать вам об этом городе, кроме того, что, когда мы вошли в него, ехали так долго, что, добравшись до назначенного места, почувствовали себя утомленными. И все время ехали по многочисленным улицам и площадям, где продавалось множество товаров. В этом городе посланникам оказали много почестей и дали все необходимое, в чем была нужда; также им подарили платье из шелковой ткани. Сюда же прибыл царский гонец, направленный к посланникам, который им сказал, что сеньор послал его приветствовать их и спросить, как им едет, каково (самочувствие) в дороге, хорошо ли с ними обходились и скоро ли можно ожидать (их) прибытия. А когда тот гонец уезжал, (посланники) дали ему платье из камки и также подарили флорентийское платье тому кавалеру, которого сеньор прислал к ним первым и который ехал с ними. Так же поступил и посланник султана вавилонского, бывший вместе с ними. Кроме того, второму кавалеру, присланному к ним сеньором, (подарили) коня, так как у них существует обычай дарить что-нибудь в честь сеньора тому, кто едет куда-нибудь по его приказанию, и (обычай) получать подарки. А по количеству того, что дарится в честь сеньора (государя), судят об их щедрости, и этим они очень гордятся.

O'ZBEKISTON RESPUBLIKASI FANLAR AKADEMIYASI  
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

O'ZBEKISTONDA  
IJTIMOIY  
FANLAR

2000

---

3

ОБЩЕСТВЕННЫЕ  
НАУКИ  
В УЗБЕКИСТАНЕ

*Издается с мая 1957 г. Выходит по 6 номеров в год*

ТАШКЕНТ  
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

schaftliche Expansion — расширение экономики). Термин «инфляция» в нашем понимании означает увеличение денежной массы, находящейся в обращении, и связанные с этим обесценение валюты и рост цен. В Англии же правительства использовали инфляцию в качестве фактора, стимулирующего развитие экономики. Опасаясь кризиса перепроизводства, они периодически прибегали к сдерживанию инфляции в качестве экономической меры, что выразилось в термине «дефляция» — deflation (die Deflation), а политика эта стала называться stop—go—stop (стоп—вперед—стоп). Таких примеров можно привести немало.

Трудности при переводе вызывают термины, состоящие из группы слов, терминологических сочетаний, выделение лексических пластов. Некоторые термины, представляющие собой словосочетания, могут употребляться в сокращенном виде, что может затруднить их понимание.

Лингвостилистические, в том числе композиционно-структурные, особенности текстов жанра коммерческой корреспонденции обуславливаются социальной функцией этого вида письменных документов, которые призваны обслуживать общественные отношения в сфере международных экономических и внешнеторговых связей.

Специфика текстов жанра коммерческой корреспонденции заключается в том, что она служит средством передачи информации и воздействия на мысли и поступки адресата; коммерческая корреспонденция обслуживает деловые взаимоотношения людей, в частности международные связи в области экономики. Коммерческая корреспонденция — это юридические документы, и в этом проявляется характерная особенность ее прагматической направленности. Коммерческая корреспонденция отражает процесс торговли: один из партнеров продает что-либо, предлагает свои услуги, другой покупает, принимает услуги. Одновременно оба они берут на себя определенные обязательства, например, продавец — изготовить и вовремя поставить товар, а покупатель — своевременно произвести все расчеты с продавцом. Текст, фиксирующий данное соглашение (контракт), становится юридическим документом, представляющим собой в процессе речевой коммуникации перлокутивный акт (обе стороны по контракту могут быть привлечены к ответственности за действия, противоречащие совершенным речевым актам).

Результаты анализа текстов коммерческого жанра позволяют говорить о наборе определенных элементов ситуации, которые оформляют архитектуру изучаемых текстов. В коммерческих письмах такими обязательными ситуативными элементами оказываются: 1) заголовок, 2) дата письма, 3) наименование и адрес получателя письма (внутренний адрес), 4) вступительное обращение, 5) основной текст письма, 6) заключительная формула вежливости, 7) подпись, 8) указания на приложения.

В контракте обязательными ситуативными элементами являются: 1) вводная часть, 2) предмет контракта, 3) количество, 4) качество, 5) срок и дата поставки, 6) условия поставки, 7) цена, 8) условия платежа, 9) упаковка, 10) порядок отгрузки, 11) рекламация, 12) гарантия, 13) оговорка об обстоятельствах непреодолимой силы, 14) арбитраж, 15) транспортные условия, 16) юридические условия (включая юридические адреса и подписи сторон)<sup>3</sup>.

Стереотипность, жесткость структуры влияют на регламентированность выбора и использования языковых средств.

Все это и многое другое следует учитывать в процессе преподавания иностранных языков. При этом отбор текстов для самостоятельного чтения специальной литературы служит основой для дальнейшей интенсификации учебного процесса и повышения его отдачи.

З. Б. Саттарова, Х. И. Фаязова

<sup>3</sup> См.: Саттарова З. Б. Спецтекст как основа обучения профессионально-деловой речи. Ташкент, 1997.

## МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ТЕРМЕЗА

Территория Узбекистана в прошлом входила в состав тех регионов Центральной Азии, где зарождался и развивался процесс урбанизации. Здесь имеется ряд древних городов, чья история насчитывает 2—2,5 тысячелетия. К их числу относится и Термез. Руины Старого Термеза расположены в 7 км к северо-западу от современного города, на берегу Амударьи. Выгодное географическое положение города, на месте переправы через реку и на перекрестке торговых дорог, способствовало быстрому росту его и повышало значимость Термеза в структуре многих центрально-азиатских государств поры древности и средневековья. Через Термез проходила одна из главных ветвей Великого шелкового пути, а в результате город оказался вовлеченным в орбиту торговой и культурной интеграции Древнего мира.

На городище Старого Термеза с 1979 г. Институтом археологии АН Республики Узбекистан осуществляются широкомасштабные археологические исследования. Они ведутся в разных частях древнего и средневекового города с целью выявления исторической топографии на различных этапах его существования. Особое внимание

уделяется изучению древнейших слоев города, ибо до сих пор наука не располагает конкретным письменным и археологическим материалом, проливающим свет на древнейшую историю города, время его основания.

В известных письменных источниках прямые сведения по интересующему нас вопросу представлены весьма скудно, причем и они имеют, в лучшем случае, косвенный или легендарный характер. В частности, согласно арабскому историку начала X в. ат-Табари, Термез был основан сасанидским царем Кубадом, правившим в 489—531 гг. н. э.<sup>1</sup> Сразу отметим, что это утверждение ат-Табари далеко от исторической действительности<sup>2</sup>. По словам автора XV в. Хафиз-и Абру, Термез был основан Александром Македонским<sup>3</sup>. Однако он нигде не указывает, на основании каких данных это утверждается. Возможно, к такому заключению Хафиз-и Абру пришел под влиянием широкого круга распространенных среди населения легенд, связанных с именем Александра Македонского<sup>4</sup>. Причем с его именем, судя по данным античных авторов, связано основание ряда городов на территории Бактрии и Согда. К сожалению, нет упоминаний о том, что один из этих городов был основан им на месте Термеза, но приведенные выше письменные данные мы можем использовать для сопоставления.

Насколько достоверны эти сведения письменных источников о времени возникновения города, без конкретных материалов, происходящих собственно из Термеза, судить трудно. Учитывая особую значимость данного вопроса для истории города, на территории цитадели в 1982—1986 гг. были осуществлены стратиграфические исследования.

Цитадель Старого Термеза расположена прямо на берегу реки, на естественной возвышенности из песчаника. Она имеет прямоугольную форму, вытянутую с востока на запад вдоль берега. Общая площадь цитадели — 10 га. Материалы интересующего нас периода получены в разрезе № 2 и в шурфе № 2.

Разрез был заложен в юго-восточном углу цитадели, на восточном фасе широкой ложбины, понижающейся в сторону реки. Нам представляется, что на месте этой ложбины в свое время находился спуск-пандус к берегу, где, видимо, находилась пристань-лангар. Спуск с восточной и западной сторон был фланкирован мощной оборонительной стеной с башнями. Эти стены были возведены в кушанский период. Следовательно, можно считать, что здесь еще в кушанский период находилась довольно крупная пристань-лангар.

Под стенами и рядом на отдельных участках в слое из щебня песчаника были найдены фрагменты керамики интересующего нас времени<sup>5</sup>. Среди них имеются венчики крупных цилиндро-конических сосудов с манжетовидным и подтреугольным венчиком, нижние половины цилиндро-конических сосудов малых размеров. Сосуды изготовлены на гончарном круге из хорошо отмученной глины. Черепок в изломе кирпичного цвета. Снаружи цилиндрическая часть сосудов до перегиба имеет светло-желтоватую поверхность, а коническая часть, как правило, имеет цвет черепка. Обжиг сосудов равномерный<sup>6</sup>.

Второй пункт, где были найдены древнейшие материалы, — шурф № 2. Он был заложен на восточном склоне самого высокого холма на территории цитадели. Этот

<sup>1</sup> Tabari. Chronique de Tabari & Traduite sur la version persane de Bel'ami/ Par M. Hermann. Zotenberg. II, Paris, 1874. P. 147.

<sup>2</sup> Известно, что Термез в греко-бактрийский период или, по крайней мере, в кушанское время был одним из крупных политических, экономических и культурных центров Бактрии. Поэтому считать, что он, основан на несколько столетий позже, нелогично. Возможно, ат-Табари написал так, опираясь на какие-то сасанидские традиции, где основание Термеза приписывалось сасанидскому царю Кубаду. В данном случае можно лишь допустить, что Термез до или во время царствования Кубада был разрушен и «царь царей» его восстановил. Однако сасанидская традиция вполне могла придать этому вопросу другую окраску, поскольку известно, что все сасанидские шахиншахи (и Кубад в этом плане не был исключением) возвеличивали себя и приписывали себе многочисленные подвиги и большие дела. В данном случае, по-видимому, было именно так.

<sup>3</sup> См.: Бартольд В. В. Хафиз-и Абру и его сочинение//Бартольд В. В. Собр. соч. Т. VII. М., 1973. С. 135.

<sup>4</sup> Следует отметить, что в тот период образ Александра Македонского (Искандер Зулкарнайн) переживал как бы свое «второе рождение». Возможно, это был результат своего рода прокламации военно-политических успехов Амира Темура, приравненного к великому полководцу из Македонии. Видно, поэтому многие поэты того времени создавали большие произведения, посвященные Искандеру Зулкарнаynu. И Алишер Навои также посвятил ему одно из своих произведений.

<sup>5</sup> Этот слой вскрыт на площади около 3 м<sup>2</sup>.

<sup>6</sup> См.: Пидяев Ш. Р. Стратиграфия городища Старого Термеза в свете новых раскопок//Городская культура Бактрии—Тохаристана и Согда. Античность, раннее средневековье: Материалы СФК (Самарканд). Ташкент, 1987. С. 87—97.

холм также расположен на берегу реки, к западу от спуска-пандуса. Восточный склон его сливается с западным фасом пандуса.

В шурфе на глубине 12 м от дневной поверхности был зачищен слой, содержащий материалы, аналогичные описанным выше. Слой лежит непосредственно на материке-песчанике. Толщина слоя местами достигает 0,5 м. Площадь шурфа на уровне этого слоя — 24 м<sup>2</sup>.

Керамический материал из данного слоя представлен стенками крупных цилиндро-конических сосудов и их венчиками. Последние имеют манжетовидную и подтреугольную в сечении форму. Кроме того, здесь найдены венчики, видимо, цилиндро-конических сосудов, но отогнутые наружу. Сосуды, изготовленные на гончарном круге, имеют светлую поверхность. Сопоставление материалов из разреза с материалами из шурфа № 2 показывает, что материалы из разреза имеют более классическую форму. Видимо, материалы из шурфа относятся к переходному этапу от древнебактрийского к античному времени. Вместе с тем, на наш взгляд, еще преждевременно делать однозначные выводы, ибо выявленный материал пока незначителен.

Описанный керамический комплекс находит близкие параллели с керамикой многих памятников Центральной Азии, датируемых серединой I тыс. до н. э. В частности, аналогичная керамика найдена в ряде памятников древнего Хорезма<sup>7</sup>, в комплексе Яз III и на городище Эрк-кала в Мерве<sup>8</sup>, в нижних слоях Афрасиаба, Еркургана и других памятников Согда<sup>9</sup>.

Схожий керамический материал довольно хорошо представлен и в самой Бактрии, как в северной, так и южной. Он найден на Кизылтепе<sup>10</sup> и в ряде других памятников этого оазиса<sup>11</sup>, Пачмактепа<sup>12</sup>, Талашкантепа I<sup>13</sup>, в верхних слоях Кучук-тепа<sup>14</sup>, в нижних слоях Калаи Мир<sup>15</sup>, Балдайтепа<sup>16</sup> и многих других. Материалы всех этих памятников очень схожи как по форме сосудов, так и по технике их изготовления.

Кроме керамики, в шурфе № 2 найдены каменные зернотерки из гранита сероватого и темного цвета. Форма их овальная, несколько вытянутая; рабочая поверхность слегка вогнутая, что получилось в результате практического их использования. Найдены здесь и глиняные шаровидные, причем довольно крупные, грузила с отверстием, каменное пряслице овальной и керамическое — пирамидальной формы. Эти предметы также обнаруживают близкое сходство с аналогичными материалами из указанных выше памятников. Основываясь на этих аналогиях, материалы из разреза и нижнего слоя шурфа № 2 Термеза можно датировать серединой I тыс. до н. э. Следовательно, появление населенного пункта на месте Старого Термеза относится к тому времени. Слои, содержащие аналогичный материал, на остальной площади цитадели пока неизвестны, о чем свидетельствуют результаты стратиграфических раскопок как в северо-восточной, так и в западной частях.

<sup>7</sup> Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода // Труды ХАЭЭ. Т. IV. М., 1959. С. 66—78. Рис. 2—4.

<sup>8</sup> Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА. № 73. М.; Л., 1959. С. 41. Табл. XLI—XLIII; Усманова З. И. Разрез крепостной стены Эрк-калы Старого Мерва // Древний Мерв: Труды ЮТАКЭ. Т. XIX. Ашхабад, 1969. С. 34—35.

<sup>9</sup> Тереножкин А. И. Согд и Чач // КСИИМК. № 33. М., 1960. С. 153; Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб // Афрасиаб. Вып. 2. Ташкент, 1973. С. 49—51. Рис. 11; Шишкин Г. В. Керамика конца IV—II вв. до н. э. (Афрасиаб II) // Афрасиаб. Вып. 3. Ташкент, 1974. С. 45—46. Рис. 8; Исамидинов М. Х., Сулейманов Р. Х. Еркурган. Ташкент, 1984. С. 26—42. Рис. 15—21.

<sup>10</sup> Сагдуллаев А. С. Усадьбы древней Бактрии. Ташкент, 1987. С. 26—30. Рис. 21—27.

<sup>11</sup> Беляева Т. В., Хакимов З. А. Древнебактрийские памятники Миршаде // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973. С. 43—44; Сагдуллаев А. С., Хакимов З. А. Археологическое изучение городища Кизил-тепе // Бактрийские древности. Л., 1976. С. 26—28.

<sup>12</sup> Пидеев Ш. Р. Открытие нового памятника середины I тысячелетия до нашей эры // Общественные науки в Узбекистане. Ташкент, 1973. № 11. С. 80—81. Рис. 2.

<sup>13</sup> Ртвеладзе Э. В., Пидеев Ш. Р. Древнебактрийская крепость Талашкантепе I // Российская археология. М., 1993. С. 133—147.

<sup>14</sup> Аскарлов А. А., Альбаум Л. И. Поселение Кучук-тепе. Ташкент, 1979. С. 39—40. Табл. 5—18.

<sup>15</sup> Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадан) (1950—1951) // МИА. № 37. М.; Л., 1953. С. 279—282. Рис. 18—19.

<sup>16</sup> Зеймаль Т. И. Древнеземледельческое поселение Балдайтепе // Материальная культура Таджикистана. Вып. 2. Душанбе, 1971. С. 87—91.

Отсюда можно сделать вывод, что первоначальное ядро древнего города находилось именно в юго-восточной части цитадели, на берегу реки. Основатели его очень удачно использовали природно-географические возможности данной местности. Основывая населенный пункт на естественной возвышенности из песчаника, они создавали большую стратегическую важность данного участка: с одной стороны, для обороны самого пункта, а с другой,— для наблюдения над переправой через реку. Отсюда очень хорошо просматривался как левый, так и правый берег реки и открывалась широкая панорама близлежащей округи.

Археолого-топографическое обследование территории сурхандарьинской части правобережья Амударьи показывает, что Термез здесь не был единственным населенным пунктом. В настоящее время на данном участке правобережья Амударьи известен и изучен ряд пунктов, относящихся к середине I тыс. до н. э. В частности, аналогичный керамический материал найден на территории современного Термеза<sup>17</sup> и в 9—10 км к западу от Старого Термеза, в районе Кучуктепа. Довольно крупное поселение этого времени найдено в западу от Кампыртепа, недалеко от места впадения Карасу в Амударью. Следовательно, можно считать, что правобережье Амударьи в районе неподалеку от Термеза в середине I тыс. до н. э. было довольно широко освоено.

Позднее, однако, лишь населенный пункт на месте Старого Термеза быстро развивался и со временем сложился как крупный город, ставший одним из важных политических, экономических и культурных центров Северной Бактрии—Тохаристана. Скорее всего, в этом процессе особую роль сыграло более удачное местоположение Термеза по сравнению с другими пунктами, находившимися вдоль правого берега Амударьи. Через Термез к тому же проходила главная дорога, соединявшая Бактрию с Маракандой.

В связи с обнаружением населенного пункта середины I тыс. до н. э. на месте Старого Термеза и других памятников того времени, расположенных вдоль правого берега Амударьи, хотелось бы отметить, что в свое время Э. В. Ртвеладзе, опираясь на рекогносцировочное обследование, выделил на территории Сурхандарьи пять микрооазисов, освоенных в середине I тыс. до н. э. При этом он предположил, что долины Амударьи и нижнего и среднего течения Сурхандарьи тогда еще не были освоены<sup>18</sup>. В свете обнаружения новых памятников того времени данный список следует расширить до семи, включая туда оазисы правобережья Амударьи и среднего течения Сурхандарьи. На территории последней слои середины I тыс. до н. э. обнаружены на Хайтабадтепа. Судя по результатам исследований, проведенных в 1976 г., это был довольно крупный город, обнесенный мощной оборонительной стеной с цитаделью.

Освоение районов среднего течения Сурхандарьи и правобережной Амударьи было, видимо, связано с увеличением населения региона и миграций из предгорной зоны к долинам больших рек в поисках мест с более благоприятными условиями и большим дебитом воды. При этом весьма примечателен тот факт, что новые населенные пункты, возникшие в сурхандарьинской части правобережья Амударьи, расположены, как правило, в наиболее удобном для переправы месте. Что это — случайность или закономерность, вызванная необходимостью охраны этих участков реки со стороны властей? Однозначно ответить на этот вопрос в настоящее время не представляется возможным. В любом случае, со временем за ними закрепились именно эта функция.

Имеющийся в нашем распоряжении материал не позволяет пока сказать что-либо конкретное о характере первоначального населенного пункта на месте Старого Термеза. Было ли это поселение или же объект строили сразу как крепость для охраны переправы? Нам представляется, что первоначально здесь было небольшое поселение. В пользу такого предположения говорит этимология названия города — Тармита—Термез, которая, по предположению В. Томашека<sup>19</sup>, происходит от древнеавестийского слова «*taṛo maetha*», означающего «поселение по ту сторону реки», что вполне вероятно<sup>20</sup>. Судя по всему, название рассматриваемому населенному пункту

<sup>17</sup> Шайдуллаев Ш., Аннаев Т. Д. Два новых пункта раннежелезного века на юге Узбекистана // *Общественные науки в Узбекистане*. Ташкент, 1989. № 5. С. 31—34.

<sup>18</sup> Ртвеладзе Э. В. К характеристике памятников Сурхандарьинской области ахеменидского времени // *СА. М.*, 1975. № 2. С. 262—265.

<sup>19</sup> Tomaschek W. *Centralasiatische Studien: Sogdiana*, Wien, 1877. S. 40—46.

<sup>20</sup> В последнее время в литературе появилось несколько иное толкование названия города. Автор этого предположения А. Р. Мухамеджанов считает, что название города произошло от древнесогдийского слова «тармит», что означает «порт на берегу реки» (Мухамеджанов А. Р. Термиз шаҳри номининг этимологияси ҳақида // *Бактрия—Тохаристоннинг шаҳар маданияти (Маърузалар матни)*. Самарканд. 1995. 55—56-б). Если принять этимологию, предложенную А. Р. Мухамеджановым, то следует полагать, что населенный пункт создавался сознательно как портовый. Нам представляется, что это маловероятно, или же такое название город

было дано жителями левобережья Амударьи<sup>21</sup>. Видимо, со временем, когда обитатели обоих берегов начали переправляться в нужную им сторону реки, власти, учитывая стратегическую важность новой переправы, могли взять ее под контроль и возвести здесь крепость. По времени это могло быть несколько раньше, еще до нашествия Александра Македонского, в период существования Ахеменидской империи. В сооружении подобных крепостей в тот период нет ничего удивительного. Известно, что ахеменидские шахиншахи и их наместники проводили особую политику в плане налаживания торгово-почтовых дорог и укреплений. С этой целью они создавали на перекрестке торгово-почтовых дорог и в стратегически важных участках особые укрепления, обычно в виде крепостей.

Вполне допустимо, что одна из таких крепостей могла быть сооружена на месте Тармита—Термеза, учитывая, что он расположен в пункте переправы и вдоль трассы, соединяющей столицу сатрапии с городами и поселениями Северной Бактрии. В этом плане особый интерес представляют сведения из пассажа «Эпитомы Метца». Как известно, в 327 г. до н. э. Александр Македонский, подавив последние очаги сопротивления жителей Согдианы и населения горных крепостей, вступил со своим войском в страну Паретака (Парейтакена)<sup>22</sup>. Жестоко расправившись с населением этой области, он переправился через Окс—Амударью и начал свой знаменитый индийский поход. Согласно пассажи из «Эпитомы Метца», великий полководец переправился через Окс—Амударью рядом с крепостью, расположенной на берегу реки. По мнению И. В. Пьянкова, эта крепость находилась на месте Старого Термеза<sup>23</sup>.

Таким образом, в настоящее время мы располагаем определенным археологическим материалом и письменным сообщением (хотя и косвенным), позволяющим считать, что первый населенный пункт на месте Старого Термеза возник задолго до похода Александра Македонского в Азию. Лишь позднее, когда (327 г. до н. э.) эта территория была завоевана Александром Македонским, он, трезво оценив стратегическую значимость данной местности для обороны созданной им империи, на месте существующего населенного пункта, возможно, основал одну из многочисленных «Александрий». Судя по данным Диодора (Диодор, XVII, 83.1) и Птолемея (Птолемей, VI, 12, 5), один из таких городов был основан на Оксе и назван «Александрия на Оксе»<sup>24</sup>. Позднее, по мнению отдельных исследователей, этот город

получил много позднее того периода, когда образовалось первоначальное поселение. Порт в полном смысле этого слова мог появиться здесь не ранее греко-бактрийского времени, и нам кажется, что версия В. Томашека более близка к истине.

<sup>21</sup> Ранее мы допускали возможность основания города жителями левобережья Амударьи (Пидеев Ш. Р. К вопросу о локализации Александрии на Оксе//ИМКУ. Вып. 26. Ташкент, 1992. С. 55). Такое же предположение было высказано Б. Я. Стависким (Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977. С. 90).

<sup>22</sup> Вопросами локализации Паретаки занимался ряд исследователей, начиная еще с конца прошлого века. В частности, В. Томашек локализовал эту страну в Бадахшане и считал ее горной (Tomasschek W. Op. cit. S. 34—35). В. В. Григорьев поместил эту страну в долине рек Сурхандарьи, Сурхоба и Кафирнигана. По его мнению, «Паретака» — это нарицательное название, означающее «горная страна» (Григорьев В. В. Поход Александра Великого в Западный Туркестан//ЖМНП. 4. OCLXVII. СПб., 1911. С. 200—201). И. Маркварт локализует Паретаку на юге Узбекистана и Таджикистана. Он предполагает, что название страны означает «омываемая рекой область» (Markwart J. Wehrot und Arang. Leiden. 1938 S. 75).

Как видим, в локализации этой страны существенных разногласий нет. При этом следует заметить, что все эти предположения были высказаны только на основе анализа маршрута Александра Македонского и сопоставления естественно-географических данных, приведенных в источниках, с современной картой данного региона. Тогда памятников этого времени здесь еще не было известно. В 1981 г. появилась статья Э. В. Ртвеладзе, специально посвященная вопросам локализации этой страны. Исследователь на основе археолого-топографических обследований и сведений письменных источников предложил локализовать эту страну в северо-западной части Сурхандарьинского вилайета (Ртвеладзе Э. В. Ксениппа—Паретака//Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981. С. 99).

Ввиду обнаружения новых памятников, относящихся к ахеменидскому времени, в сурхандарьинской части правобережья Амударьи, нам представляется, что предположение Э. В. Ртвеладзе относительно локализации Паретаки следует несколько расширить и включить в состав этой страны правобережье Амударьи, так как вся эта территория представляет единое целое как в географическом, так и в историко-культурном плане. В таком случае находит свое объяснение этимология названия страны, предложенная И. Марквартом: «Омываемая рекой область».

<sup>23</sup> Пьянков И. В. Бактрия в античной традиции. Душанбе, 1982. С. 45.

<sup>24</sup> Относительно локализации этого города существуют разные предположения. Литературу по данному вопросу см.: Tarn W. W. Two Seleucid studies: Tarmita//JHS. 1940. LX. P. 89—94; Bernard P. Alexandrie du Caucase ou Alexandrie de Oxus //Journal des Savants. Paris, 1982. P. 129—138; Пидеев Ш. Р. К вопросу о локализации... С. 46—59.

был разрушен кочевниками и снова восстановлен где-то в 293—290 гг. до н. э. селевкидским царем Антиохом Великим, после чего был переименован в «Антиохию»<sup>25</sup>. Вполне вероятно, что среди местного населения он по-прежнему был известен как «Тармита».

Нам представляется, что не все города, основанные Александром Македонским и селевкидскими царями, были городами в полном смысле этого слова. Скорее всего, многие из них были просто городами-крепостями<sup>26</sup>. Лишь позднее, в греко-бактрийский период, здесь складывается довольно крупный город.

Ш. Р. Пидгеев

<sup>25</sup> Тагп W. W. Op. cit. P. 93.

<sup>26</sup> См.: Хлопин И. Н. Историческая география южных областей Средней Азии. Ашхабад, 1983. С. 140; Ртвеладзе Э. В. Северная Бактрия — Тохаристан. Динамика историко-культурного развития: Автореф. докт. дис. М., 1989. С. 27.

## ТАРИХШУНОСЛИК

### ҒАРБ ШАРҚШУНОСЛАРИ ҲАДИС ИЛМИ ҲАҚИДА

Муҳаммад пайғамбарнинг суннатлари — Қуръондан сўнг иккинчи мавқеъда турувчи исломий таълим манбаидир. Ислом оламида Қуръон моҳиятан шакл-шубҳа остига олинмайди, бироқ суннатлар XVIII асрдан буён ислом уламолари орасида турли ихтилофий қарашларга сабаб бўлиб келмоқда. Бундай ихтилофлар XIX асрдан бошлаб ғарб шарқшунослари орасида ҳам кузатилди<sup>1</sup>.

Ҳадислар — пайғамбарнинг амаллари, кўрсатмалари, тақрирлари бўлиб, I/VII асрларданоқ анъанавий шаклланган эди, аммо тўплам сифатида III/IX асрлар охири, IV/X асрлар бошларида жамлана бошланган<sup>2</sup>. Ҳадисларни тўплаш жараёни Қуръоннинг жамланиши каби аҳамиятга эга эди. II/VIII—III/IX асрларда ҳадисшуносларнинг ҳадисларни иснод асосида саҳийҳлаштириш борасидаги уринишлари самара бермади, биласк, уни янада чигаллаштириб юборди. Узлуксиз баҳслар натижасида VI/XII аср охири VII/XIII аср бошларига келиб, олти ҳадис тўплами саҳийҳ деб топилди ва ҳадис уламолари томонидан суннатнинг манбаи бўла олади деб тан олинди<sup>3</sup>. Булар ичида Бухорий ва Муслим тўпламлари сўзсиз саҳийҳ саналади. Олти ҳадис тўпламларидан ташқари яна муҳаддисларнинг саккиздан ортиқ тўпламлари ҳам тан олинган, аммо улар бирмунча танқид остига ҳам олинади<sup>4</sup>.

Бизнинг асримизга келиб шарқ ва ғарб ҳадисшуносларининг асосий эътибори ровийлар томонидан Муҳаммад пайғамбар ҳақидаги айтилган ривоятлар қайси давр ва қайси воқеалар асосида вужудга келгани ва ҳадис сифатида шаклланганлигини ўрганишга қаратилди. Дастлабки қарашданоқ бу йўналиш исломшуносликнинг энг кам таҳлил қилинган соҳаси эканлиги кўзга ташланади<sup>5</sup>.

Бундай хилма-хил ва ҳажмдор манбаларга комплекс ёндашув матнларнинг тарихий ва мафкурзвий маъноларини ўрганишнинг биз учун катта зарурати бор. Чунки, ҳадисшунослик шундай бир даврни босиб ўтдики, биз унинг асосида мавжуд бўлган ва энди дунё юзини қаршилаётган услуб ва услубиятлар истиқболлари ҳақида сўз юритишимиз керак бўлади. Ҳадис матнлари ўзига хос хусусиятга эга. Ҳадисларга турли хилда танқидий ёндашилган ва ҳадис тарихшунослигига онд асарлар улкан адабий мажмуани ташкил қилади<sup>6</sup>. Бошқа соҳалардан фарқли ўлароқ ҳадисшуносликка доир тадқиқотларнинг самарадорлиги матншунослик ва манбашунослик борасидаги таянчлаштирилган заҳирага қаттиқ боғлиқлигида кўринади. Ғарб оламида ҳадис адабиётлари аа уларнинг тараққиёт йўлини ўрганиш дастлаб И. Гольдциер (1890) томонидан бошлаб берилди<sup>7</sup>. В. Р. Розен бу ҳақида шундай ёзди: «Шу давргача Бухорий, Абу Довуд, Муслим ва бошқаларнинг ҳадис тўпламлари деярли барча арабшунослар учун унчалик аҳамият касб этмаган эди. Эндиликда эса уларнинг барчаси биргаликда аҳамиятга эгадир»<sup>8</sup>.

1923 йил «Журнал Азиатик»да Левн Провансаль Мусулмон оламининг Ғарбий қисми Мағриб ва Мисрда кўчириш учун эталон (намуна) сифатида хизмат қилган Бухорийнинг «ас-Саҳийҳ» асари Марокашда топилганини илмий оламга маълум қилди. Матн устидаги пухта изланишлар натижасида қўлёзма ал-Йуниний ва Ибн Моликнинг нусхасидан 150 йил муқаддам яратилган ва таҳрир қилишда асосий таянч

<sup>1</sup> Ермаков Д. В. Ислам. М., 1991. С. 85.

<sup>2</sup> Манноъ Қаттон. Мабаҳис фи уълум ал-ҳадис. Миср, 1987. 27 б.

<sup>3</sup> Уша ерда.

<sup>4</sup> Уша ерда.

<sup>5</sup> Абдурахийм Саъид. Ат-Тамҳийд фи уълум ал-ҳадис. Амман, 1992. 30 б.

<sup>6</sup> Муҳаммад Ужож ал-Хатиб. Ас-Сунна қобла ат-тадвийн. Байрут, 1990. 540 б.

<sup>7</sup> Гольдциер И. Muhammedanische Studien 2. Halle, 1890. S. 203—204.

<sup>8</sup> Қаранг: Ермаков Д. В. Ислам. С. 86.